

Терри Пратчетт

ГОСПОДИН ЗИМА

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ПЛОСКИЙ МИР»

Терри Пратчетт
Господин Зима
Серия «Плоский мир»
Серия «Ведьмы»
Серия «Тиффани Болен», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65364337
Господин Зима: Эксмо; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-89686-8

Аннотация

Тиффани Болен и не думала танцевать – но ноги сами понесли её в пляс! Холодной осенней ночью она станцевала на лесной поляне танец, приветствующий наступление зимы... и обратила на себя внимание Зимовея. Он – снега, льды и лютая стужа. Он – стихия, вдруг влюбившаяся в смертную девушку. И теперь Зимовой дарит Тиффани ледяные розы, создает в её честь снежинки и айсберги, пишет её имя инеем на стёклах. Ради неё он хочет сам сделаться человеком. И готов преподнести возлюбленной королевский подарок – вечную зиму. То, что мир при этом погибнет, его не смущает. Стихийный дух вообще на смущение не способен. И вежливые слова вроде «спасибо, нет!»

для него ничего не значат. Но если Тиффани не сможет его остановить, весна больше никогда не наступит...

Третья книга о Тиффани Болен, тридцать пятая книга цикла «Плоский мир».

Книга – лауреат премии Locus Award.

Впервые на русском языке!

Содержание

Введение	7
Глава 1. Большой снег	12
Глава 2. Госпожа Вероломна	28
Глава 3. Тайна Боффо	81
Глава 4. Снежинки	126
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Терри Пратчетт

Господин Зима

© Аллунан Н., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Введение

**Перевод некоторых слов и выражений
Нак-мак-Фиглей, с поправкой на
требования приличий (из неоконченной
на сегодняшний день книги «Волшебные
создания и как избежать встречи
с ними» г-жи Констанции Тик)**

Большой Человек – предводитель клана (как правило, муж кельды).

Бураны – покрытые густой шерстью создания, которые едят траву и блеют. Не путать с известным погодным явлением.

Верзуны – люди.

Всекарга – очень важная ведьма.

Глазья – глаза.

Гоннагл – бард клана, искусный музыкант, поэт и рассказчик.

Гуйс – очень важное обязательство, нарушить которое невозможно в силу традиций и магического подкрепления. Не пернатое.

Догробный мир – понятие, связанное с верой Фиглей в то, что они мертвы. Наш мир так прекрасен, утверждают они, что наверняка сюда после смерти попадают те, кто хорошо вёл себя при жизни. Поэтому когда

кто-то из Фиглей умирает здесь, он просто возвращается к жизни в Догробном мире, который, в их представлении, является довольно скучным местом.

Заморочный – жуткий, странный, иногда – почему-то – продолговатый.

Изводиться – волноваться, переживать.

Карга – ведьма, независимо от возраста.

Карговство – всё, что делает ведьма.

Кельда – матриарх клана, а в преклонном возрасте – мать большинства его членов. Фигли рождаются очень маленькими, а растут быстро; в течение жизни кельда становится матерью сотен сыновей.

Нахрюкаться – меня заверили, что это означает переутомиться.

Невтерпъ – невтерпёж, страстное желание чего-либо: «Чаю охота, аж невтерпъ».

Обуделаться – гм, как бы помягче выразиться... очень, очень сильно испугаться. В таком смысле.

Ой-ёи-ёи – традиционное причитание.

Особая овечья притирка – прошу прощения, но это, скорее всего, не что иное, как самогон. Никто не знает, как притирка действует на овец, но говорят, капелька этого напитка согреет пастуха в холодную зиму, а Фигля – в любое время года. Не пытайтесь изготовить её самостоятельно.

Пискля – слабак.

Разбредовина – чепуха, глупость.

Раскудрить! – восклицание, которое может означать всё что угодно, от «надо же!» до «моё терпение лопнуло – спасайся кто может!».

Расхиляй – см. угрязок.

Спог – кожаный мешочек, носится на поясе спереди. Фигли хранят там памятные вещицы, остатки еды, интересных насекомых, щепки и веточки, которые могут пригодиться, счастливые комья грязи и т. д. Исследовать содержимое спога на ощупь – очень плохая идея.

Старукса – женщина преклонного возраста.

Судьбонос – важное событие в жизни, которое может оказаться роковым.

Таинствия – секреты, тайны.

Тубзя – туалет.

Угрязок – бесполезный член общества.

Упариловка – нечто вроде сауны. Встречается только в больших курганах горных кланов, где есть источники воды в достаточном для регулярных водных процедур количестве. Фигли Меловых холмов считают, что, когда грязи на теле скапливается достаточно, она отваливается сама.

Чувырла – очень нехороший человек/зверь/другое.

Чудила – редкостно нехороший человек/зверь/другое.

Чучундра – нехороший человек/зверь/другое.

Глава 1. Большой снег

Буря колотила Меловые холмы, как молот. Ни одно небо

не смогло бы удержать в себе так много снега – и небо не удержало. Снег падал и падал на землю белой стеной.

Там, где ещё недавно высился древний могильный курган, поросший боярышником, теперь виднелся лишь заснеженный бугорок посреди белых просторов. В прошлом году в это время здесь уже расцветали ранние примулы. В этом был только снег.

Снег зашевелился. Комок размером с яблоко приподнялся, из образовавшейся дыры повалил дым. Рука не больше кроличьей лапы помахала в воздухе, разгоняя его.

Очень маленькая и очень сердитая синяя физиономия высунулась наружу и оглядела внезапную первозданную белизну вокруг.

– От же ж раскудрить! – зло сплюнул её обладатель. – Зимовеева работа, чтоб его переплющило. Ишь, отказев оно не принимает!

Вокруг появилось ещё несколько голов с комьями снега на макушках.

– Ой-ёи-ёи! – запричитала одна из них. – Он опять сускнул нашу мал-мал громазду каргу!

Голова, высунувшаяся первой, повернулась к причитальщику:

– Туп Вулли!

– Ась, Явор?

– Разве я не грил тебе про твои все оё-ёйканья?

– Грил, Явор, – признал тот.

– Дыкс с чего ты тогдыть их завёл?

– Звиняй, Явор. Вродь как само выплеснулось.

– Оно оченно духс подрывает.

– Звиняй, Явор.

Явор Заядло вздохнул:

– Увыкс, тута ты правый, Вулли. Он сыскнул малу громазду каргу, как пить дать. Хтой щас призыривает за ней на фермсе?

– Мал-да-удал Штырь, Явор.

Явор посмотрел на небо. Переполненные снегом облака аж проседали посередине.

– Ладныть, – сказал он. – Видно, пора заявиться Герою.

Он скрылся в снегу, комок с его макушки аккуратно лёг на своё место, прикрыв дыру, как будто её и не было. Явор Заядло соскользнул вниз, в глубину обжитого Фиглями кургана.

Пещера внутри была просторной – в самой её середине человек мог бы даже встать в полный рост, но тут же скорчился бы пополам от кашля, потому что именно там, в потолке, было проделано отверстие для дыма.

Вдоль стен тянулись одна над другой галереи, кишмя кишевшие Фиглями. Обычно тут стоял шум и гвалт, но в эту минуту дом Фиглей замер в пугающей тишине.

Явор Заядло подошёл к очагу, возле которого ожидала его жена, Джинни. Она стояла, гордо выпрямившись, как и подобает кельде, но вблизи он заметил, что она, похоже, пла-

кала. Явор встал рядом и обнял её за плечи.

– Лады, вы, мож, ужо скумексали, что оно там творится, – сказал он настороженной синекожей и рыжеволосой публике на галереях. – То не просто так вьюжит. То Зимовой сыскнул малу громазду каргу... а ну кыкс, тихо все!

Он подождал, пока крики и звон мечей стихнут, и продолжал:

– Мы не могём забороть Зимовея за неё! То её путь, и не нам по нему шлындраць! Но всекарга открыла нам друженый путь! Тёмный и опасновый!

Фигли радостно взревели – такое они понимали и любили.

– То-то ж, – сказал довольный Явор. – И для начатку приволокнуём Героя.

Раздался дружный смех. Громазд Йан, самый высокий Фигль, крикнул:

– Рановасто ему! Мы разве токо урок-другой геройства ему втюкали! Чих он безнужный, а не герой!

– А я грю, он станет Героем для нашей мал-мал громаздой карги, и точка! – отрезал Явор. – А ну кыкс, вы, шобла бездельная, топс-топс все в мелову яму! Наройте мне путь в Подземлёвый мир!

Да, это Зимовой, думала Тиффани Болен, стоя перед отцом в холодном доме. Она чувствовала, что происходит снаружи. Такая непогода редкость даже в разгар зимы, а теперь уже пора бы прийти первому весеннему теплу. Он бросает

вызов. А может, просто играет. С Зимовеем трудно отличить одно от другого.

Только это уже не игра, потому что ягнята умирают по-настоящему. Мне только-только исполнилось тринадцать, но мой отец и другие взрослые хотят, чтобы я сделала что-нибудь. А я ничего не могу. Зимовой снова нашёл меня. И вот он здесь, а у меня слишком мало сил.

Было бы легче, если бы они кричали и требовали, но они просят и умоляют. Лицо отца серое от тревоги, и он умоляет меня помочь. Мой отец умоляет меня.

Ой, нет, он снимает шляпу. Он снимает шляпу передо мной!

Они думают, мне достаточно щёлкнуть пальцами, и магия явится сама, за просто так. Но если я не смогу помочь им сейчас, чего я вообще стою? Нельзя, чтобы они заметили мою неуверенность и страх. Ведьмы не имеют права бояться.

И это я во всём виновата. Я, я и никто иной, заварила эту кашу. Мне её и расхлёбывать.

Отец нерешительно кашлянул:

– ...Вот. Так, может, ты могла бы... ну, как-то уколдовать это всё подальше, или ещё что? Ради нас...

Всё в комнате казалось серым, потому что серым был свет, просачивающийся сквозь толщу снега за окном. Никто не тратил сил, чтобы откапывать дома. Все, кто мог держать лопату, трудились в других местах, но людей всё равно не хватало. И потому большинство в эту ночь вообще не ложи-

лись – обходили стада годовалых овец, оберегали новорождённых ягнят... В царстве тьмы и снега...

Её, Тиффани, снега. Снега, который был посланием ей. Вызовом. Призывом.

– Хорошо, – сказала она. – Я попробую что-нибудь сделать.

– Ты моя умница. – Отец немного расслабился и улыбнулся.

Нет, я не умница, я дурочка, подумала Тиффани. Это я навлекла беду.

– Разожгите большой костёр выше по склону, где сарай, – сказала она вслух. – Очень-очень большой, понимаете? Бросайте в него всё, что горит, лишь бы он не погас. Он будет за-
тухать, но вы поддерживайте огонь. Поддерживайте его, что бы ни случилось. Огонь не должен погаснуть!

Она выделила это «не должен» голосом, чтобы оно прозвучало громко и угрожающе. Нельзя, чтобы в головах людей осталось место сомнениям. Тиффани накинула на плечи коричневый плащ из плотной шерсти, подарок госпожи Вероломны, и схватила чёрную остроконечную шляпу, висевшую на крючке на входной двери. Люди, набившиеся в кухню, за-
бормотали и зашептались, а некоторые даже шарахнулись в стороны. Нам нужна ведьма, мы пропадём без ведьмы, и при всём при том мы будем от неё шарахаться.

Это была магия остроконечной шляпы. То, что госпожа Вероломна называла «боффо».

Тиффани Болен вышла из дома и очутилась в узком проходе, прокопанном через заваленный снегом двор. Снежные стены слева и справа были вдвое выше человеческого роста. Зато снег хотя бы давал укрытие от ветра, режущего, будто нож.

Тропу успели прокопать до самого выгула, но дело шло тяжело. Как можно убрать толщу снега в пятнадцать футов?¹ Да и куда его убрать?

Она дошла до сараев, где хранили телеги, и стала ждать. Мужчины с кряхтением и скрипом сражались со снежной стеной. Они уже вымотались до смерти. Они копали много часов подряд.

Самое главное...

Главного было слишком много. Главное, выглядеть спокойной и уверенной, главное, сохранять ясность мысли, главное, чтобы никто не заметил, что ты едва штаны не намочила от страха...

Тиффани вытянула руку, поймала снежинку и хорошенько к ней пригляделась. Это была не обычная снежинка, о нет. Это была одна из его особенных снежинок. Какая подлость! Он насмеяется над ней! У Тиффани появился повод его ненавидеть. Раньше она не чувствовала ненависти. Но теперь он убивает ягнят.

Она передёрнулась и плотнее запахнула плащ.

– Это мой выбор, – прокаркала она. Воздух изо рта пре-

¹ Фут равен примерно 0,3 метра. (Примеч. ред.)

вратился в облачко пара.

Тиффани прокашлялась и начала снова:

– Это мой выбор. Если надо будет заплатить, я заплачу. Если это будет стоить мне жизни, я умру. Куда бы выбор ни привёл меня, это мой путь. Я так решила. Это мой выбор.

Это не было заклинанием, разве что в её воображении. Но если ты не можешь заставить заклинания работать в собственном воображении, они у тебя нигде и никогда не срабатывают.

Тиффани снова плотнее завернулась в плащ, пытаясь защититься от безжалостных когтей ветра, и стала оцепенело смотреть, как разводят костёр. Пламя разгоралось неохотно, словно боялось проявить рвение.

Она ведь делала это раньше, так? Десятки раз. Это не такой уж и сложный фокус, если знаешь, в чём суть. Но раньше у неё всегда было время сосредоточиться, да и огонь был всего лишь огнём в кухонном очаге, у которого она грела ноги. По идее, с большим костром и целым полем снега это будет ничуть не сложнее, правда?

Правда же?

Пламя загудело и взметнулось вверх. Отец положил руку ей на плечо. Тиффани подпрыгнула от неожиданности – она и забыла, как тихо он умеет ходить.

– Что это ты говорила насчёт выбора?

О том, какой у него хороший слух, она тоже забыла.

– Это... ведьмы так делают, – сказала она, избегая смот-

реть ему в лицо. – Теперь, если не получится, виновата буду только я.

А я и так во всём виновата, мысленно добавила она. Это нечестно, но никто и не говорил, что всё будет честно.

Отец взял её за подбородок и ласково повернул к себе. Какие мягкие у него руки, подумала Тиффани. Большие мужские ладони, а кожа нежная, как у младенца. Это из-за жирной овечьей шерсти.

– Не надо было нам тебя просить, верно?.. – сказал он.

Надо, подумала Тиффани. Там, под холодным безжалостным снегом, умирают ягнята. А вот мне надо было отказаться, надо было признать: нет, я ещё не готова, умения не хватит... Но под холодным безжалостным снегом умирают ягнята!

«Родятся новые», – подумала она Задним Умом.

Но то будут уже другие ягнята. А эти умирают сейчас, в эту самую минуту. Умирают, потому что я послушалась своих ног и посмела пуститься в пляс с Зимовеем.

– Я смогу, – сказала она.

Отец, не отпуская её подбородок, заглянул ей в глаза:

– Ты уверена, джиггат?

«Джиггат» – так звала Тиффани её бабушка, матушка Болен, которая за всю жизнь не позволила холодному безжалостному снегу убить ни одного ягнёнка. Отец никогда раньше не называл её так. Почему это прозвище пришло ему на ум теперь?

– Да! – Тиффани оттолкнула его руку и отвела глаза, пока из них не брызнули слёзы.

– Я... пока ничего не сказал маме, – проговорил отец медленно, с величайшей тщательностью взвешивая каждое слово. – Но я нигде не могу найти твоего брата. Думаю, он пытался помочь. Эйб Свинделл видел, как он бежал со своей лопаткой. Уверен, с ним всё хорошо, но... ты поглядывай по сторонам, вдруг заметишь его, ладно? Он в красном пальтишке.

Невозможно было без слёз видеть его лицо, полностью лишённое выражения. Малыш Винворт, без малого семи лет, вечно бегал хвостом за взрослыми мужчинами, вечно хотел быть одним из них, вечно пытался помочь... Как легко потерять из виду маленького мальчика!

Снег падал и падал. Ужасные, неправильные снежинки ложились белым покрывалом на плечи отца. Вот такие мелочи и отпечатываются в памяти, когда земля уходит из-под ног и ты проваливаешься и летишь, летишь в пропасть...

Это было уже не просто нечестно. Это было... жестоко.

Помни, что за шляпа у тебя на голове! Помни, что за работу ты должна сделать прямо сейчас! Держи равновесие! Секрет – в равновесии. Держи равновесие, центр должен быть неподвижен, держи...

Тиффани протянула онемевшие руки к огню – пусть впитают тепло.

– Помни: огонь не должен погаснуть, – сказала она.

– Я послал людей, чтобы принесли дров отовсюду, – ответил отец. – И весь уголь из кузницы тоже. Поверь моему слову, нам будет чем его прокормить!

Языки пламени, танцуя, потянулись к рукам Тиффани. Фокус в том, чтобы... чтобы мысленно слепить из жара большой ком, взять его и... держать равновесие. Забудь обо всём остальном!

– Я пойду с... – начал отец.

– Нет! Поддерживай огонь! – крикнула Тиффани. От страха и отчаяния её голос прозвучал слишком громко. – Делай, что я говорю!

«Сегодня я тебе не дочь! – рвались наружу слова. – Сегодня я тебе ведьма! И это я сегодня защищаю тебя!»

Она отвернулась, чтобы отец не увидел её лица, и побегала сквозь выюгу туда, где прокопанная тропа упиралась в нижние выгулы. Тропа из утоптанного снега была неровной, а свежие хлопья с неба сделали её ещё и скользкой. Усталые люди с лопатами прижались к снежным стенам, пропуская Тиффани.

В конце проход становился чуть шире, пастухи там пытались раскопать стену дальше. Горы отброшенного снега громоздились вокруг.

– Бросайте работу! Уходите! – крикнул голос Тиффани, пока она сама тихо всхлипывала внутри.

Ей подчинились сразу же. Когда приказы раздаются из-под остроконечной шляпы, с ними не спорят.

Помни тепло, жар огня, помни о нём, держи равновесие, равновесие...

Это была самая сердцевина ведьмовства, очищенная ото всей шелухи. Никаких игрушек, никаких волшебных палочек, никакого боффо, никакой головологии, никаких фокусов. Мастерство – вот единственное, что имеет значение.

Но иногда нужно обмануть себя. Тиффани не была Летней Владычицей, не была матушкой Ветровоск. И сейчас ей требовалась вся помощь, которую она могла себе оказать.

Она вытащила из кармана маленькую серебряную лошадку. Лошадка была грязная, в пятнах, Тиффани собиралась её отчистить, да не было времени, времени не было...

Она надела ожерелье, застегнула замочек, как рыцарь перед битвой опускает забрало шлема.

Напрасно она так мало упражнялась. Напрасно она не слушала, что ей говорят. Напрасно не прислушивалась к себе.

Тиффани глубоко вздохнула и развела руки в стороны ладонями вверх. На правой ладони горел огнём белый шрам.

– По правую руку от меня гром, – сказала она, – по левую – молния. Огонь позади меня. Лёд передо мной.

Она сделала шаг и остановилась в нескольких дюймах² от снежного завала. Снег сразу же принялся тянуть из неё тепло. Ладно, пора. Тиффани ещё несколько раз глубоко вздохнула. Это мой выбор...

– Лёд в огонь, – сказала она.

² Дюйм равен 2,54 см. (Примеч. ред.)

Пламя костра за её спиной побелело и загудело, как в кузнечном горне.

Стена снега зашипела и вдруг взорвалась тучей пара. Снежные комья полетели в стороны. Тиффани медленно шла, вытянув вперёд руки с открытыми ладонями, и снег перед ней отступал, как туман перед первыми лучами солнца. Жар, исходящий от неё, плавил снежную гору, буравил в ледяной толще глубокий туннель, снег бежал, обращаясь в облака ледяного пара.

Да! Она отчаянно улыбнулась. Всё правильно. Надо только найти свой внутренний центр, надо направить мысли куда следует, и тогда можно хранить равновесие. Середина качелей всегда неподвижна.

Башмаки хлюпали в талой воде. Под снегом зеленела свежая трава – нынешняя зимняя буря явилась уже весной. Тиффани шла дальше, к заметённым загонам для овец с ягнятами...

Отец Тиффани смотрел в огонь. Пламя было белым и яростным, как в горне, оно пожирало топливо, словно его раздувал лютый ураган. Ещё немного – и от костра останутся лишь угли да зола...

Под ногами Тиффани текли ручьи.

Да! Но не думай об этом! Держи равновесие! Больше жара! Лёд в огонь!

Она услышала блеяние.

Овцы могут выжить под снегом. Но, как говаривала ма-

тушка Болен, когда боги делали овец, они, должно быть, положили овечьи мозги не в ту шубу. В панике – а овцы всегда на волосок от паники – эти тупицы могут затоптать собственных ягнят.

И вот уже показались овцы с ягнятами. Они стояли, замерев в изумлении, а снег вокруг них таял, и животные казались изваяниями, освобождёнными из-под сугробов.

Тиффани шла и шла вперёд, лишь краем уха слыша радостные крики пастухов, которые спешили следом за ней, помогали овцам высвободиться, подхватывали на руки ягнят...

Отец кричал на тех, кто остался с ним у костра. Кто-то уже рубил на дрова телегу и бросал доски в яростное белое пламя. Другие волокли из дому мебель. Колёса, столы, соломенные тюфяки, стулья – огонь сожрал всё и с рёвом требовал ещё. А больше ничего не было.

Красное пальтишко.... Его нигде не видно! Равновесие, держи равновесие... Тиффани ковыляла вперёд, по щиколотку в воде, по пояс в овцах... Потолок туннеля с хлопьями обрушился, подняв тучу брызг. Она не стала на него отвлекаться. В пролом посыпались новые снежные хлопья, закружились вокруг её головы. На них Тиффани тоже отвлекаться не стала. А потом впереди... проступило что-то красное.

Холод в огонь! Снег растаял, и Винворт очутился на свободе. Тиффани подхватила его, прижала к себе, послала

немного жара прямо в него, чтобы отогреть. И вот он зашевелился и прошептал:

– Она весила фунтов³ сорок, не меньше! Сорок!

Винворт закашлялся и открыл глаза. Тиффани бросилась назад и сунула его в руки первому встречному пастуху:

– Отнесите его к матери! Ну же!

Пастух схватил мальчика и кинулся выполнять, испугавшись её напора. Сегодня она была им ведьмой!

Тиффани снова повернулась к выгулу. Ещё не все ягнята спасены...

Её отец бросил умирающему от голода огню свою шубу. Шуба упала в костёр, вспыхнула и осыпалась серым пеплом. Однако пастухи были наготове, они схватили Джо Болена и не дали ему прыгнуть следом. Он вырывался и кричал, но его оттащили прочь.

Куски кремня таяли в костре, как масло. Вот они рассыпались брызгами и застыли.

Огонь погас.

Тиффани Болен подняла глаза и встретила взглядом с Зимовеем.

А наверху, на крыше тележного сарая, тоненький голосок, принадлежащий Фиглю по имени Мал-да-удал Штырь, чертыхнулся:

– Эх, раскудрить!

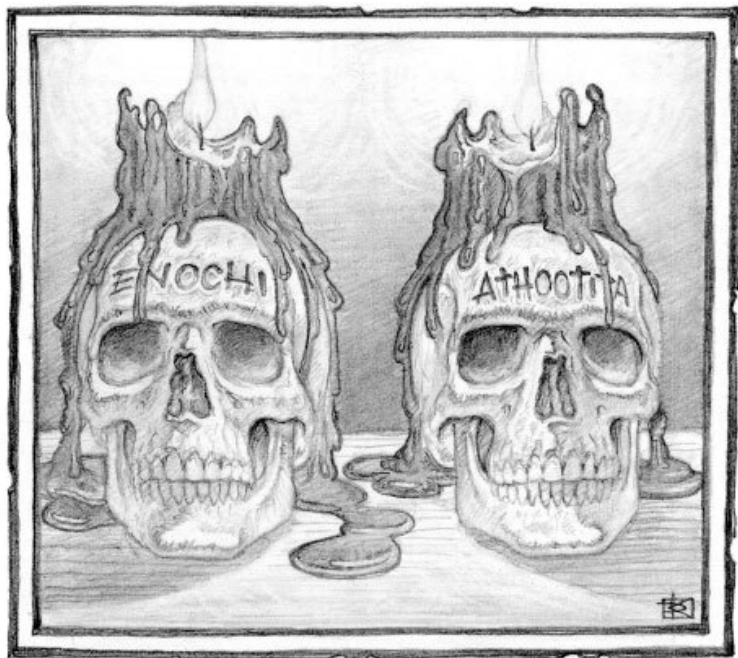
³ Фунт равен примерно 0,45 кг. (Примеч. ред.)

Всего этого пока не произошло. А может, и не произойдёт вовсе. Будущее, оно ведь штука ненадёжная, как студень, всё время колеблется. Достаточно случиться какой-нибудь мелочи – снежинка, скажем, упадёт, или кто-то уронит не ту ложку – и колесо судьбы покатится по совсем другому пути. А может, и нет.

Всё началось прошлой осенью, в тот день, когда среди прочего случилась кошка...

Глава 2. Госпожа Вероломна

Вот тот день, и Тиффани Болен летит на метле через лес в горах за сотню миль⁴ от дома. Метла очень старая, и девочка летит над самой землёй. С боков привязаны два помела по-

⁴ Милья равна 1609 м. (Примеч. ред.)

меньше, чтобы метла не заваливалась на сторону – так к детским велосипедам приделывают пару дополнительных колёсиков. Метлу одолжила Тиффани ведьма по имени госпожа Вероломна, которая в свои 113 лет летала ещё хуже девочки.

Тиффани на сто с небольшим лет младше госпожи Вероломны, несколько выше, чем была ещё месяц назад, и гораздо менее уверена в чём бы то ни было, нежели год назад.

Она учится быть ведьмой. Ведьмы обычно ходят в чёрном, но только потому, что всегда ходили в чёрном. Тиффани эта причина не кажется достаточно серьёзной, поэтому она предпочитает зелёный или голубой. Что до модных нарядов, то она ими вовсе не пренебрегает, потому что отродясь ни одного не видела.

А вот без остроконечной шляпы, как выяснилось, никак не обойтись. В таких шляпах нет ничего волшебного, если не считать воздействия на окружающих: люди видят шляпу и сразу понимают, что под ней – ведьма. Остроконечная шляпа никогда не останется незамеченной.

Но при всём при том нелегко быть ведьмой в родной деревне, где все зовут тебя «дочурка Джо Болена» и помнят, как ты в два годика бегала в одной рубашонке.

Уехать из дому было в этом смысле полезно. Большинство знакомых Тиффани никогда не удалялись от места, где появились на свет, больше чем на десяток миль, поэтому девушка, побывавшая в загадочных заграничных краях, и сама приобретала в их глазах ореол загадочности. Тот, кто уезжа-

ет, возвращается немного другим. А ведьма и должна быть другой.

Тиффани уже знает, что ведьмы занимаются в основном тяжёлой работой и очень мало – магией из разряда «Вжжжик! Динь-динь-динь...». Ведьмы не учатся в школах, и у них не бывает уроков в обычном смысле. Но учиться ведовству самостоятельно очень и очень опрометчиво, особенно если у тебя есть настоящий природный дар. Стоит ошибиться, и ты за неделю скатишься из невежества в хихиканье.

Если уж на то пошло, всё упирается в привычку мерзко хихикать. Хотя об этом и не принято говорить. Ведьмы утверждают, что нельзя быть слишком старой, слишком тощей или слишком бородавчатой. Но хихиканье они никогда не упоминают. В этом ряду – нет. Однако всегда держат ухо востро, не начнёт ли кто-нибудь из них хихикать и побрякивать.

Опуститься до хихиканья очень легко. Как правило, ведьмы живут в одиночестве (или – по желанию – с кошкой) и могут неделями не видеть своих товарок. В те времена, когда ведьм боялись и ненавидели, им часто ставили в вину, что они говорят с кошками. Разумеется, ведьмы с ними говорят. Если тебе по три недели не выпадает случая поговорить о чём-нибудь, кроме коров, ты и со стенкой беседовать начнёшь. А там и до хихиканья недалеко.

Когда ведьма начинает хихикать, это означает не просто гнусный гогот и побрякивание. Это значит, она теряет связь

с реальностью. Это значит, что она теряет разум. Это значит, что тяжёлая работа и необходимость разбираться с чужими трудностями сводят её с ума – по чуть-чуть, крохотными шажками. Каждый шажок почти незаметен, но вместе они уводят ведьму за грань, и она перестаёт умываться и надевает на голову котелок вместо шляпы. За этой гранью кажется, будто раз ты знаешь больше, чем все соседи, вместе взятые, ты лучше их. За гранью кажется, будто ты сама можешь решать, что правильно, а что нет. И если ты перешла грань, ты рано или поздно «ступишь на путь зла», как это называют ведьмы. Это опасный поворот. За ним маячат отравленные веретёнца и пряничные домики.

И чтобы всего этого не случилось, ведьмы время от времени навещают друг друга. Такова традиция. Порой ведьмы проделывают очень долгий путь ради того, чтобы выпить чаю с печеньем в компании другой ведьмы. Конечно, это позволяет им обмениваться слухами – ведьмы обожают слухи, особенно если они не столько правдоподобные, сколько сногшибательные. Но настоящая цель таких визитов – приглядывать друг за дружкой.

Сегодня Тиффани отправилась навестить матушку Ветровоск, которую большинство ведьм (включая саму матушку) считали самой могущественной ведьмой в горах. Беседа протекала очень вежливо. Никаких вам: «Что, старушка, пока не спятила, а?» – «Брось! Я ещё ого-го! А также угу-гу, эге-ге и ага-га...» В этом не было нужды. Обе понимали, зачем они

тут, поэтому говорили о другом. Но когда на матушку Ветровоск находила блажь, иметь с ней дело было непросто...

Она молча сидела в кресле-качалке. Некоторые люди умеют поддерживать беседу. Матушка Ветровоск умела поддерживать молчание. Она могла сидеть так тихо и неподвижно, что растворялась в окружающем мире. Собеседник забывал о её присутствии. Комната пустела.

Обычно это огорчало гостей. Возможно, матушка на это и рассчитывала. Но Тиффани и сама умела молчать, её научила этому бабушка, которую все звали матушкой Болен. Сейчас Тиффани начинала понимать, что если сидеть или стоять совсем-совсем тихо, то можно сделаться почти невидимой.

Матушка Ветровоск отточила это умение до совершенства.

Про себя Тиффани называла его заклинанием «меня-здесь-нет», если только это было заклинание. У каждого из нас, рассуждала она, внутри есть нечто такое, что подаёт сигнал: «Я здесь!» Вот почему иногда удаётся почувствовать чужое присутствие за спиной, даже если человек не издаёт ни звука – сигнал-то всё равно от него исходит, и его можно засечь.

У некоторых людей этот сигнал очень силён – таких первыми обслуживают в лавках. Сигнал матушки Ветровоск мог свернуть горы, если бы она захотела. Когда матушка Ветровоск входила в лес, волки и медведи выбегали из него с другой стороны.

А ещё она умела его полностью отключать.

Вот и сейчас Тиффани приходилось старательно сосредотачиваться, чтобы её видеть. Большая часть сознания девочки утверждала, что матушки тут нет.

Ну ладно, подумала Тиффани, поиграли, и хватит. Она кашлянула. Вдруг оказалось, что матушка Ветровоск никуда не исчезала.

– Госпожа Вероломна чувствует себя прекрасно, – сказала Тиффани.

– Весьма достойная женщина, – заметила матушка. – Да...

– Хотя и со странностями, – сказала Тиффани.

– Никто не безупречен, – пожала плечами матушка.

– Она сейчас испытывает новые глаза, – сказала Тиффани.

– Хорошо.

– Глаза воронов.

– Тоже неплохо.

– Да, лучше, чем мышь, которой она обычно пользуется, – сказала Тиффани.

– Ещё бы.

Так оно и продолжалось какое-то время, пока Тиффани не надоело тащить весь разговор на себе. Матушка могла бы проявить хоть немного вежливости, в конце концов. Но Тиффани уже знала, как её расшевелить.

– Госпожа Увёртка написала новую книгу, – сообщила она.

– Я слышала, – буркнула матушка.

Тени в комнате, казалось, сделались чуть гуще.

Что ж, это объясняло, почему матушка не в духе. Одна мысль о Летиции Увёртке выводила матушку Ветровоск из равновесия. С матушкиной точки зрения в госпоже Увёртке решительно всё было не так. Эта выскочка даже родилась где-то в заграницах, что само по себе почти преступление. И она писала книги, а матушка Ветровоск книгам не доверяла. А ещё госпожа Увёртка (произносится «Уви-ортка», по крайней мере самой госпожой Увёрткой) верила в сверкающие волшебные палочки, магические амулеты, мистические руны и силу звёзд, тогда как матушка Ветровоск верила в чаепития с сухим печеньем, ежеутренние умывания холодной водой, но главным образом – в саму матушку Ветровоск.

Госпожа Увёртка пользовалась успехом среди юных ведьм, потому что её последовательницы могли с чистой совестью обвешаться украшениями по самое не могу. Матушка Ветровоск успехом ни у кого не пользовалась. Её не особенно-то любили...

...Пока в ней не возникала нужда. Если к колыбели ребёнка явился Смерть, если топор в лесу отскочил от дерева и густой мох напитывается кровью, соседи шлют гонца в холодный кособокий домик на опушке леса. Когда надежды нет, зовут матушку Ветровоск. Потому что она лучшая.

И она всегда приходит. Всегда. Но любят ли её за это? Нет. Любовь и нужда – не одно и то же. К матушке Ветровоск прибегают, если дела по-настоящему плохи.

А вот Тиффани её любила. По-своему. И ей казалось, что матушка Ветровоск тоже к ней благоволит. Она даже разрешила Тиффани звать её «матушкой», хотя все прочие юные ведьмочки могли обращаться к ней только «госпожа Ветровоск». Иногда Тиффани казалось, что матушка Ветровоск постоянно испытывает тех, кто относится к ней по-дружески, на прочность этой дружбы. Матушка Ветровоск сама по себе была одно сплошное испытание на прочность.

– Новая книга называется «Ведовство: первые полёты», – сказала Тиффани, внимательно наблюдая за старой ведьмой.

Матушка Ветровоск улыбнулась. То есть уголки её губ чуть-чуть приподнялись.

– Ха! – каркнула она. – Я всегда говорила и снова повторяю: нашему ремеслу по книжкам не научишься. Летиция Увёртка воображает, будто можно стать ведьмой, малость прибахлившись. – Она испытующе посмотрела на Тиффани, словно на ум ей пришла какая-то мысль. – И бьюсь об заклад, она не умеет делать вот так...

Матушка взяла чашку с горячим чаем, обняв её ладонью, а другой рукой схватила руку Тиффани.

– Готова?

– К че... – начала Тиффани, и тут ей стало горячо. Жар пошёл от руки и разлился по телу, согрев её изнутри.

– Чувствуешь?

– Да!

Тепло улетучилось. Матушка Ветровоск, не отрывая от

Тиффани пристального взгляда, перевернула чашку.

Чай вывалился на стол. Он превратился в лёд.

Тиффани была уже не маленькая и не стала спрашивать: «Как вы это сделали?» Матушка Ветровоск оставляет без ответа глупые вопросы, как и почти все вопросы вообще.

– Вы взяли тепло чая и отдали его мне, – проговорила Тиффани. – Пропустили его через себя в меня, да?

– Верно, только меня оно не коснулось, – с довольным видом сказала матушка Ветровоск. – Весь секрет в равновесии. Равновесие, вот что важно. Держи равновесие, и... – Она умолкла. Потом спросила: – Ты когда-нибудь качалась на доске? Один её конец поднимается, другой опускается. Но в середине, в самой середине, есть точка, которая остаётся неподвижной. Взлёты и падения проходят сквозь неё. Не важно, как высоко поднимаются края, эта точка хранит равновесие. – Она фыркнула. – Магия большей частью в том и состоит, чтобы перемещать нечто с места на место.

– Я смогу этому научиться?

– Пожалуй. Это не так уж и трудно, надо только правильно настроить мысли.

– Вы можете научить меня?

– Я же только что это сделала. Я тебе показала.

– Нет, матушка, вы показали, как вы это делаете, но не... как вы это делаете!

– Не могу объяснить. Я знаю, как это делаю я. Ты будешь делать по-своему. Главное, нужным образом сосредоточить-

ся.

– Но как?

– Мне-то почём знать? Это ведь твоя голова, – огрызнулась матушка. – Будь добра, поставь чайник! У меня чай остыл.

Всё это прозвучало почти злобно, но такова уж матушка. Она считает, если человек способен усваивать новое, то сам во всём разберётся. И ни к чему облегчать ему задачу. Жизнь вообще нелегка, говорит она.

– Я смотрю, ты всё носишь эту побрякушку, – заметила матушка.

Побрякушки – а матушка звала так любые металлические предметы гардероба, не предназначенные, чтобы скреплять детали одежды, не давая им распахнуться, упасть или отцепиться, – она не любила. Обзавестись ими означало «прибрахлиться».

Тиффани коснулась серебряной лошадки, которую носила на шее. Это было небольшое и незамысловатое украшение на цепочке, и оно много значило для неё.

– Да, – спокойно сказала она. – Ношу.

– А что это у тебя там в корзинке? – спросила матушка, грубо нарушив правила приличий.

Корзинка Тиффани стояла посреди стола. В ней, конечно, ждал своего часа подарок. Разумеется, ведьмы никогда не являлись в гости друг к другу с пустыми руками, но та, кому подарок предназначался, по традиции должна была изоб-

разить удивление и пробормотать: «Ну что вы, не стоило так утруждаться...»

– Это я вам подарок привезла, – сказала Тиффани, подвешивая над огнём чёрный от копоти чайник.

– Я распрекрасно обхожусь безо всяких подарков, – про- бурчала матушка.

– Да, конечно, – ответила Тиффани и больше ничего не прибавила.

Она услышала, как матушка приподняла крышку корзинки. Внутри был котёнок.

– Это дочка Розочки, кошки вдовы Цепней, – сказала Тиффани, чтобы заполнить тишину.

– Не стоило оно... – донеслось в ответ матушкино ворчание.

– Что вы, мне было совсем не трудно. – Тиффани улыбнулась, глядя в огонь.

– Я не из кошатников, – буркнула матушка.

– Она будет ловить мышей, – сказала Тиффани, по-прежнему не оборачиваясь.

– Мыши у меня не водятся.

Потому что им нечем тут поживиться, подумала Тиффани, а вслух сказала:

– У госпожи Увёртки шесть чёрных кошек.

Должно быть, белая кошечка в эту минуту тарасилась на матушку из корзинки огромными грустными котёночьими глазами. Я тоже могу устроить испытание на прочность,

улыбнулась про себя Тиффани.

– Понятия не имею, что мне с ней делать. Ей придётся спать в сарае с козами, – заявила матушка.

Большинство ведьм держали коз.

Кошечка потёрлась о руку матушки и замяукала.

Позже, когда Тиффани собралась в обратный путь, матушка Ветровоск попрощалась с ней на пороге и аккуратно выставила кошку за дверь.

Тиффани подошла туда, где, в некотором удалении от домика, её ждала метла госпожи Вероломны, привязанная к дереву.

Но улетать сразу она не стала. Она остановилась возле развесистого куста падуба и замерла. И стояла тихо-тихо, пока всё в ней не настроилось на передачу: «Меня тут нет».

Каждый может увидеть образы в облаках или пламени. Тут то же самое, только наоборот. Надо отключить в себе то, что кричит: «Я здесь!» Надо раствориться. И тогда, если кто-то посмотрит на тебя, ему будет очень трудно тебя увидеть. Твоё лицо превратится в лист и тень от него, очертания тела затеряются среди линий куста и дерева. Остальное сотрёт из поля зрения сам наблюдатель.

Слившись с кустом падуба, Тиффани наблюдала за дверью матушкиного домика. Поднялся ветер, тёплый, но беспокойный, натряс красных и жёлтых листьев с клёнов во круг, закружил их по поляне. Кошечка попыталась было поймать несколько листков, потом сдалась и принялась жалобно

мяукать. Вот сейчас, думала Тиффани, вот сейчас матушка Ветровоск подойдёт, откроет дверь и...

– Забыла что-то? – раздался голос матушки у неё над ухом.

Куст оказался ведьмой.

– Э... она очень милая. Я просто подумала, может, вы со временем к ней привыкнете, полюбите её, – сказала Тиффани.

А про себя она гадала: «Допустим, пустившись бегом, она могла успеть добежать сюда, но почему я её не увидела? Неужели можно бежать, оставаясь невидимой?»

– За меня не волнуйся, девочка, – сказала ведьма. – Лети себе к госпоже Вероломне и передай ей мои наилучшие пожелания. Хотя... – её голос немного потеплел, – должна признать, спряталась ты неплохо. Многие на моём месте тебя в упор не заметили бы. Я почти и не слышала, как у тебя волосы растут!

Когда метла Тиффани улетела прочь и матушка Ветровоск при помощи нескольких маленьких хитростей убедилась, что девочки поблизости и правда нет, старая ведьма вернулась в дом, старательно не обращая внимания на кошку.

Несколько минут спустя дверь со скрипом приоткрылась. Возможно, это был просто сквозняк. Котёнок скользнул в дом.

Все ведьмы со странностями. Тиффани привыкла к их странностям и уже не видела в них ничего странного. Скажем, тётушка Вровень имела два тела, причём одно из них воображаемое. А госпожа Жилетт разводила породистых земляных червей и каждому давала имя. Да её даже странной трудно назвать – так, немного чудаковатая, земляные черви ведь довольно любопытные создания, на свой унылый лад. И ещё была старая мамаша Дипбаж, страдающая от провалов во времени, а когда такими провалами страдает ведьма, выглядит это несколько необычно: её губы всегда двигались невпопад словам, а шаги спускались по лестнице минут за десять до самой мамашаи.

Но госпожа Вероломна по части странностей была такая молодец, что могла бы не только взять с полки пирожок, но прихватить ещё и пакетик печенья с карамельной посыпкой. И свечку заодно.

В ней было странным всё, так что даже непонятно, с чего начинать...

Эвменида⁵ Вероломна за всю свою долгую жизнь так и не

⁵ Ведьма *Эвменида* носит весьма звучное имя, заимствованное из античной мифологии нашего, Круглого мира. Эвмениды – одно из именований богинь мести (они же – Эринии, «Гневные», они же – фурии римской мифологии). О них упоминается в поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея», в пьесах древнегреческих драматургов Эврипида и Эсхила, римского драматурга Сенеки и многих других авторов. Сколько их было на самом деле, никто точно не знает: поздние поэты называют трёх – это Тисифона (мстящая за убийство), Алектю (непрощающая) и Мегера (завистница). Богини-мстительницы преследовали преступников, запятнавших себя злодеянием, и мучили их до тех пор, пока те не впадали в безумие.

вышла замуж. В шестьдесят лет она потеряла зрение. Большинство людей на её месте безнадежно ослепли бы, но госпожа Вероломна умела Заимствовать (это такой особый ведьмовской навык).

Она пользовалась глазами животных, читая в их головах, что они видят.

Оглохла она в семьдесят пять, но и это её не слишком огорчило, потому что она успела поднатореть в преодолении таких трудностей и научилась ставить себе на службу любую пару ушей, шныряющую поблизости.

Когда Тиффани впервые переступила порог дома госпожи Вероломны, та пользовалась глазами и ушами мыши, потому что её старая галка умерла. Было немного жутко видеть,

Такая судьба постигла Ореста, виновного в убийстве матери, однако Афина Паллада, впервые в мифологической истории Греции, устроила суд, оправдала обвиняемого и умирала гнев богинь. С тех пор их и стали называть Эвменидами, «Милостивыми». Но не обманывайтесь: несмотря на новое имя, богини мщения по-прежнему существа довольно жуткие. Их изображали как в виде неумолимых охотниц с кнутами и факелами, так и в виде страшилищ с крылами летучей мыши, с волосами в виде змей и чёрной пёсией мордой вместо лица. В своей трагедии «Эвмениды» Эсхил описал Эвменид так:... Чудовищный, ужасный сонм Каких-то женщин дремлет на скамьях. Нет, нет! – Не женщин, а горгон. О нет, Горгонами Их тоже не назвать. Не то обличие. Пришлось, я помню, гарпий на картине мне Однажды видеть... <...> Эти, хоть бескрылые, – Страшней, черней. Храпят. Дыханье смрадное, А из очей поганая сочится слизь. Наряд на них такой, что в нём ни в божий храм Являться не пристало, ни в жильё людей. Не ведаю, какого роду-племени Страшилища. Какая бы земля, вскормив Подобных тварей, горько не раскаялась? (Пер. С. Апта) Согласитесь, этот жуткий образ очень похож на тот, что Эвменида Вероломна искусственно создавала для себя с помощью каталога «Боффо»!

как старуха расхаживает по дому, держа мышь на ладони перед собой, и очень жутко – видеть, как мышка резко поворачивается на звук твоего голоса. Просто удивительно, какого страху может нагнать маленький розовый носик.

С Воронами дело пошло куда лучше. Кто-то из соседей сделал для ведьмы насест, который она носила на плечах, чтобы над каждым плечом сидело по ворону⁶. С этими птицами госпожа Вероломна с её седой нечёсаной гривой выглядела... ну, как настоящая ведьма, хотя к концу дня её плащ всегда был несколько уделан сзади.

И ещё у неё были часы. Кто бы ни сделал эту тяжёлую

⁶ ...чтобы над каждым плечом сидело по ворону. А эта колоритная деталь портрета старой ведьмы отсылает нас к образу Óдина, верховного божества германо-скандинавской мифологии. Óдин, мудрец и знаток рун, хозяин Валгаллы, является людям в образе одноглазого старика в синем плаще, а сопровождают его двое воронов, Хугин (что на древнеисландском означает «мыслящий») и Мунин (что означает «помнящий»). Вороны либо восседают у него на плечах (правда, без удобного насеста), либо летают по миру, а возвращаясь, рассказывают Одину обо всём, что делается на свете, – то есть тоже служат ему своего рода «глазами». В «Младшей Эдде», учебнике скальдической поэзии XIII в., об Одине говорится: *Два ворона сидят у него на плечах и шепчут на ухо обо всём, что видят или слышат. Хугин и Мунин – так их прозывают. Он шлёт их на рассвете летать над всем миром, а к завтраку они возвращаются. От них-то и узнаёт он всё, что творится на свете. Поэтому его называют Богом Воронов. Так здесь о том сказано: Хугин и Мунин над миром всё время летают без усталости...* (Пер. О. Смирницкой) В отличие от Óдина, Эвменида лишилась обоих глаз, но это лишь умножило её мудрость и умение читать в душах: в своём развевающемся плаще, с воронами на плечах, стотринадцатилетняя ведьма выглядит достаточно жутко – под стать грозному старцу скандинавских мифов (хотя «уделанный сзади» плащ несколько снижает торжественность момента).

металлическую штукювину, он был скорее кузнецом, чем часовщиком, поэтому часы госпожи Вероломны говорили не «тик-так», а «тонк-тунк». Она носила их на поясе и определяла время, нащупывая короткие толстые стрелки.

В деревне поговаривали, что часы – это сердце старой ведьмы, они служат ей взамен настоящего, которое она утратила много лет назад. В деревне вообще много чего поговаривали про госпожу Вероломну.

Только очень устойчивый ко всему жуткому и странному человек мог иметь дело с госпожой Вероломной. По традиции юные ведьмы перебирались с места на место, обучаясь премудрости у старых ведьм и оказывая им «небольшую помощь по хозяйству», как это называла мисс Тик (ведьма, занимавшаяся поиском девочек с ведьмовским даром), а в действительности делая всю работу по дому. Обычно ученицы покидали дом госпожи Вероломны на следующий же день после прибытия. Тиффани продержалась уже три месяца.

А иногда, когда госпоже Вероломне требовалась пара глаз, чтобы что-нибудь рассмотреть, она могла воспользоваться глазами ученицы. Ощущение было вроде мысленной щекотки, как будто кто-то невидимый заглядывает тебе через плечо...

Да, по части странностей госпожа Вероломна была такая молодец, что, пожалуй, взяла бы с полки не только пирожок, пакетик печенья с посыпкой и свечку, но и пирожное, и ещё бутерброды, и к тому же прихватила бы самого устроителя

конкурса на самые странные странности и того затейника, который делает всяких зверей из воздушных шариков.

Когда Тиффани вошла, старая ведьма что-то ткала на станке. Два клюва повернулись в сторону девочки.

– А, детка, – проговорила госпожа Вероломна высоким надтреснутым голосом. – У тебя выдался хороший день.

– Да, госпожа Вероломна, – послушно сказала Тиффани.

– Ты повидала юную Ветровоск, и у неё всё хорошо.

«Щёлк-щёлк», – стучал станок. «Тонк-тунк», – стучали часы.

– Просто прекрасно, – сказала Тиффани.

Госпожа Вероломна никогда не задавала вопросов. Она только сообщала ответы.

«Юная Ветровоск», – думала Тиффани, накрывая стол к ужину. Но ведь госпожа Вероломна очень, очень старая...

И очень страшная. Это правда. Отрицать невозможно. Нос её не был крючковатым, и зубы все на месте, хотя и жёлтые, но во всех прочих отношениях госпожа Вероломна словно сошла со страниц сказки про злую ведьму. И колени у неё щёлкали при каждом шаге. А ходила она быстро, опираясь на две трости и перебирая конечностями, как паук. Вот, кстати, ещё одна странность: по всему дому было полно паутины, и хозяйка строго-настрого запретила Тиффани трогать её, но ни одного паука девочка так и не видела.

А ещё эта её любовь к чёрному. Многие ведьмы предпочитают чёрный цвет, но у госпожи Вероломны были чёрные ко-

зы и чёрные куры. Стены в доме были чёрные. Пол чёрный. Если уронить палочку лакрицы, ни за что потом не найдёшь. Но что ввергало Тиффани в ужас, так это требование делать чёрным сыр, покрывая его блестящим чёрным воском. Тиффани знала толк в изготовлении сыров, а воск защищал их от высыхания, но чёрные сыры казались ей какими-то подозрительными. Они выглядели так, будто замышляют недоброе.

Кроме того, госпожа Вероломна, похоже, вовсе не нуждалась в сне. В своём преклонном возрасте она не слишком обращала внимание на то, день или ночь на дворе. В темноте вороны видят плохо, поэтому вечером старуха подзывала сову и ткала всю ночь, глядя её глазами. Сова для этого подходит в самый раз, говорила ведьма, потому что исправно вертит головой, следя за снующим влево-вправо челноком. «Щёлк-щёлк», – стучал станок. «Тонк-тунк», – откликались часы с опозданием лишь на миг.

Госпожа Вероломна, которая расхаживает с повязкой на глазах и нечёсаной гривой длинных седых волос, а чёрный плащ реет у неё за спиной...

Госпожа Вероломна, которая бродит по саду в холодную тёмную ночь, постукивая тростями, принохиваясь к воспоминаниям, оставшимся от цветов...

У каждой ведьмы есть свой конёк, нечто такое, что ей особенно хорошо удаётся, и коньком госпожи Вероломны была Справедливость.

Люди преодолевали многие мили, чтобы просить её раз-

решить их спор:

«Я уверен, это моя корова, а он говорит, что его!»

«Она утверждает, будто это её земля, но этот участок отец оставил мне!»

Госпожа Вероломна сидела за станком, спиной к разгорячённой толпе, набившейся в дом. Станок действовал посетителям на нервы. Они со страхом таращились на него, а вороны таращились на них.

Заикаясь, экая и мекая, люди объясняли, что, собственно, они не поделили, а станок равнодушно постукивал себе в свете свечей... Ах да, свечи!

Подсвечниками служили два человеческих черепа. На одном из них было вырезано ЕНОХИ, на другом – АТУТИТА.

(К своему сожалению, Тиффани знала, что это означает «вина» и «невиновность». Она выросла на Меловых холмах, где никак не могла бы познакомиться с этим чужим, да ещё и древним языком⁷. Значение слов объяснил ей Обижулити Хлопстел, Д-р Маг. Фил., маг-р ОЧКВТР, Непревзойдённый Профессор Магических Наук из Незримого Университета, засевший у неё в голове.

(Ну, то есть частично засевший.

(Летом, два года назад, сознание Тиффани подчинил себе роитель, существо, имевшее привычку коллекционировать

⁷ В нашем мире этот язык, как ни странно, не древний, а вполне современный – так называемый новогреческий, на котором сегодня говорят в Греции. На нём эти слова пишутся ένοχη и αθώτητα соответственно. В оригинальном издании автор использует английскую транскрипцию: epochs и athootita. (Примеч. перев.)

разумы тех, кого поработило за свою очень долгую жизнь. Ей удалось избавиться от захватчика, но некоторые чужие личности запутались у неё в извилинах, и теперь ей приходилось уживаться с ними. Был там и пузырь дутого самомнения доктора Хлопстела с комком его воспоминаний в придачу. Собственно, это всё, что осталось от древнего волшебника. Обычно он не беспокоил её, разве что с тех пор Тиффани могла читать иностранные слова – точнее, стоило ей их увидеть, как в её голове скрипучим голосом доктора Хлопстела раздавался перевод. Больше волшебник никак себя не проявлял, но на всякий случай она старалась не раздеваться перед зеркалом.)))

Черепя были закапаны свечным воском, и люди то и дело нервно косились на них, пока находились в комнате.

А когда все слова были сказаны, станок замолчал, повисала оглушительная тишина, госпожа Вероломна поворачивалась в своём кресле на колёсах лицом к посетителям, снимала повязку с затянутых жемчужно-серыми бельмами глаз и говорила:

– Я выслушала. Теперь я посмотрю. Посмотрю и увижу истину.

Многие люди не выдерживали взгляда слепых глаз, уставившихся на них при свечах, и кидались наутёк. Эти глаза не могли видеть лиц, но, казалось, могли читать в душах. Чтобы выдержать пронизывающий взгляд госпожи Вероломны, надо было быть или очень честным, или невероятно глупым.

Поэтому никто никогда не оспаривал её решения.

Ведьмам не положено брать плату за работу, но каждый, кто приходил к госпоже Вероломне с просьбой помочь разрешить спор, приносил ей подарок. Обычно это было что-то съестное, но иногда – чистая ношенная одежда (чёрная) или пара старых башмаков подходящего размера. Если госпожа Вероломна решала спор не в вашу пользу, то, по общему мнению, не стоило пытаться забрать подарок, ведь зачастую бывает очень досадно проснуться поутру кем-то маленьким и липким.

Говорили, тот, кто осмелится солгать госпоже Вероломне, умрёт страшной смертью в ближайшую неделю. Говорили, что короли и принцы приходят к ней тайком по ночам, чтобы просить помощи в великих государственных делах. Говорили, у неё в подполе лежат груды золота и сторожит их трёхголовый демон с огненной шкурой, который откусывает нос любому, кто туда сунется.

Насчёт двух из этих утверждений у Тиффани имелись глубокие сомнения. Насчёт третьего она точно знала, что это неправда, потому что однажды спустилась в подпол, прихватив на всякий случай ведро воды и кочергу, но не обнаружила там ничего, кроме груд картошки и моркови. И мышки, которая внимательно уставилась на неё.

Тиффани не боялась, а если и боялась, то не слишком. Во-первых, если только демон не наловчился маскироваться под картошку с морковкой, его, скорее всего, не существует. А

во-вторых, хотя госпожа Вероломна жутко выглядела, жутко говорила, да ещё и пахла, как старый платяной шкаф, Тиффани она жуткой не казалась.

Ведьма должна уметь видеть с Первого Взгляда и думать Задним Умом. Первый Взгляд нужен, чтобы видеть то, что есть на самом деле, а Задний Ум – чтобы приглядывать за обычными мыслями, Здравым Смыслом, а то забредут куда не надо. Кроме Заднего Ума, у Тиффани был ещё Дальний Умысел, но она никогда не слышала, чтобы другие ведьмы упоминали о нём, а потому и сама про него помалкивала. Дальний Умысел мыслил довольно странно, был себе на уме и редко подавал голос. И он утверждал, что в госпоже Вероломне скрыто гораздо больше, чем кажется.

А однажды, вытирая пыль, Тиффани уронила череп «Енохи»...

...и неожиданно узнала о госпоже Вероломне гораздо больше, чем та согласилась бы открыть кому бы то ни было.

Тем вечером, когда они ели тушёную фасоль (чёрную, разумеется), госпожа Вероломна сказала:

– Ветер крепчает. Скоро пора выходить. В такую погоду я высоко не полечу. В окрестностях могут болтаться странные твари.

– Выходить? Мы куда-то идём? – спросила Тиффани.

Обычно они все вечера проводили дома, и поэтому каждый вечер тянулся целую вечность.

– Да, идём. Сегодня ночью будут танцевать.

– Кто?

– Вороны в темноте ничего не разглядят, а сова растеряется в суматохе, – продолжала ведьма. – Мне понадобятся твои глаза.

– Кто будет танцевать, госпожа Вероломна?

Тиффани любила танцы, но здесь, в горах, их, похоже, не устраивали вовсе.

– Идти-то недалеко, вот только буря скоро нагрянет.

Пришлось смириться, что госпожа Вероломна ничего не скажет. Но её слова разожгли любопытство Тиффани. Кроме того, размышляла она, будет очень познавательно увидеть тех тварей, которых сама госпожа Вероломна считает жуткими.

Конечно же, по такому случаю госпожа Вероломна решила надеть свою остроконечную шляпу. Тиффани терпеть не могла, когда её наставница это делала. Приходилось стоять перед старухой и смотреть на неё, не отводя взгляда, а в глазах делалось щекотно, потому что ведьма использовала её вместо зеркала.

К тому времени, когда они поужинали, ветер уже завывал в лесу, словно дикий тёмный зверь. Стоило приоткрыть дверь, как он рванул её на себя и вломился в комнату, аж нити основы на ткацком станке загудели.

– Вы уверены, что нам надо идти? – спросила Тиффани, пытаясь закрыть дверь.

– Да как ты можешь! И думать не смей, будто я не пойду!

Кто-то должен смотреть на танец! Я ни разу его не пропустила! – Госпожа Вероломна была вся какая-то взвинченная, вся на нервах. – Мы должны идти! А ты должна одеться в чёрное.

– Госпожа Вероломна, вы же знаете, я не ношу чёрное, – сказала Тиффани.

– Нынешняя ночь требует чёрного. Наденешь мой плащ. Не тот, который лучший, а тот, что чуть поплоче.

Это было сказано с истинно ведьмовской твёрдостью, как будто госпоже Вероломне и в голову не могло прийти, что её слушаются. Ей было 113 лет. Уйма времени, чтобы отточить мастерство непререкаемости. Тиффани не стала спорить.

Не то чтобы я что-то имела против чёрного цвета, думала Тиффани, надевая плащ, чуть поплоче лучшего, просто это не моё. Когда люди говорят, что ведьмы ходят в чёрном, они на самом деле имеют в виду, что чёрное носят старухи. И вообще, я же не наряжаюсь в розовое и всякое такое...

Потом ей пришлось завернуть часы старой ведьмы в обрывки старого покрывала, так что их вечное «тонк-тунк» превратилось в «тонк-тунк». О том, чтобы оставить их дома, и речи не шло. Госпожа Вероломна всегда держала часы при себе.

Пока Тиффани собиралась, ведьма с диким скрежетом завела часы. Она постоянно их подзаводила. Порой она делала это в самый разгар судилища, и все в комнате пугались ещё

больше.

Когда они двинулись в путь, дождя ещё не было, но на головы им градом сыпались сорванные ветром листья и ветки. Госпожа Вероломна боком сидела на метле, мёртвой хваткой вцепившись в ручку, а Тиффани шла рядом и вела метлу на буксире при помощи обрывка бельевой верёвки.

В небе ещё догорал алый закат, и прибывающая луна висела высоко, но под ней неслись размазанные ветром облака, наполняя лес скользящими тенями. Ветви над головой стучали друг о друга, где-то в отдалении с грохотом свалился отломившийся сук.

– Мы пойдём в сторону деревень? – спросила Тиффани, сиюсья перекричать шум бури.

– Нет! Ступай по тропе через лес! – крикнула в ответ госпожа Вероломна.

О, подумала Тиффани, неужели это будут пресловутые «танцы без ничего», о которых я столько слышала? То есть на самом деле не так-то много я о них и слышала, потому что стоит кому-то обмолвиться про эти самые танцы, как ему тут же велят замолчать. Так что при мне о них почти не говорили, но не говорили весьма красноречиво.

Танцы нагишом были из тех вещей, которыми, по мнению большинства людей, занимаются ведьмы, хотя сами ведьмы придерживались другого мнения. И Тиффани могла их понять. Даже жарким летом ночи не такие уж тёплые, а ещё надо опасаться ежей и чертополоха. Кроме того, просто невоз-

можно представить, чтобы особа вроде матушки Ветровоск танцевала без... словом, совершенно невозможно представить. А если попробуешь – голова взорвётся.

Волоча за собой на верёвке парящую у самой земли метлу с госпожой Вероломной, Тиффани углубилась в лес. Ветер к этому времени уже стих, но холодный воздух, который он принёс, остался. Тиффани порадовалась, что на ней тёплый плащ, пусть и чёрный.

Она устало шагала по лесным тропам, сворачивая там, где велела госпожа Вероломна, пока не разглядела за деревьями, в небольшой впадине, огонёк костра.

– Стой! И помоги мне спуститься, – сказала старая ведьма. – И слушай внимательно, девочка. Запоминай правила. Во-первых, ничего не говори. Во-вторых, смотри только на танцоров. И, в-третьих, стой смирно, пока они не закончат плясать. Повторять не буду!

– Хорошо, госпожа Вероломна. Тут так холодно...

– И будет ещё холоднее!

Они пошли на свет костра в отдалении. «Что толку ходить на танцы, если можно только смотреть, как танцуют другие? – думала Тиффани. – Тоже мне, развлечение...»

– Это тебе не развлечение, – сказала госпожа Вероломна.

В круге света двигались силуэты, Тиффани различила мужские голоса. Когда ведьмы подошли к кромке впадины, кто-то залил костёр.

Раздалось шипение, среди деревьев поднялись клубы ды-

ма и пара. Всё случилось очень быстро и жутко. Единственное, что выглядело здесь живым, умерло.

Сухие листья хрустели под ногами. Небо расчистилось, и среди деревьев заблестели лужицы лунного света.

Тиффани не сразу поняла, что в центре свободного от деревьев пространства, на дне впадины стоят шестеро мужчин. Должно быть, они были с ног до головы в чёрном. В лунном свете они казались дырами в непроглядную пустоту, прорезанными в форме человеческих силуэтов. Они стояли по трое в ряд, друг напротив друга, так неподвижно, что спустя какое-то время Тиффани задумалась, не мерещатся ли они ей.

Потом глухо и ровно забил барабан: бум... бум... бум...

Удары раздавались где-то полминуты и стихли. Но ровный ритм продолжал звучать в голове Тиффани, и, возможно, не только в её голове, потому что танцоры на поляне еле заметно кивали ему в такт.

А потом пустились в пляс.

Тишину нарушал лишь мерный топот башмаков сходящихся и расходящихся танцоров. Но вскоре Тиффани сквозь беззвучный барабанный бой, гудящий у неё в голове, услышала и другой звук. Её нога по собственной воле притопывала, отбивая ритм.

Тиффани не впервые слышала этот барабан. Они уже видели похожий танец. Но тогда было тепло и светило солнце. И на одежде танцоров были нашиты бубенчики.

– Это же моррис, весенний танец!⁸ – прошептала она не

⁸ – *Это же моррис, весенний танец! Моррис* – средневековый народный английский танец под музыку, исполняется группой танцоров, зачастую в белых одеждах с нашитыми на них колокольчиками, а порою является частью целой пантомимы. В ходе исполнения могут использоваться палки, мечи, платки и даже глиняные трубки. Самое раннее сохранившееся упоминание о танце моррис датируется 1448 годом: это документ, подтверждающий, что Гильдия золотых дел мастеров должным образом выплатила танцорам морриса вознаграждение в размере семи шиллингов. При том, что танец этот исконно английский, само название, строго говоря, означает «мавританский танец» (в самых ранних источниках это *morisk dance, morisse daunce*); возможно, потому, что и костюмы, и шаги танца подчёркнуто экзотические. В деревнях танцоры даже иногда чернили себе лица, как настоящие мавры. Музыка традиционно обеспечивали дудка и тамбурин или скрипка. Моррис танцевали на протяжении XV–XVI вв.: известно, что комик шекспировской труппы Уильям Кемп в 1600 г. в одиночку протанцевал моррис от Лондона до Нориджа. А в XVII в. моррис стал непременным атрибутом народных гуляний в праздник Пятидесятницы – и всё больше ассоциировался именно с весенними праздниками, скажем с майскими играми вокруг майского шеста. В мире Терри Пратчетта обрядовый характер морриса ещё более усилен: этим танцем в традиционном его варианте – костюмы с бубенчиками, деревенские гулянья и непременная выпивка – приветствуют приход лета; в пару к нему Пратчетт придумал и тёмный моррис – танец, освящающий наступление зимы. В разных городах и деревнях испокон веков существовали свои традиции танцевать моррис и свои группы танцоров. В начале XX в. моррисом всерьёз занялись английские фольклористы – пытаясь восстановить и возродить танец в разнообразных его вариантах. Сегодня практикуются шесть разных стилей исполнения морриса, восходящих к нескольким местным традициям; есть три солидные организации, занимающиеся историей и поддержкой распространения этого танца, в том числе Федерация морриса. Количество танцующих, то есть персонажей морриса, менялось от эпохи к эпохе и от места к месту (у Пратчетта их семь): более-менее постоянные, традиционные фигуры – это Шут или Клоун (в пратчеттовский вариант морриса он тоже входит), Лошадка, Дева Мариан (возможно, персонажи робин-гудовских баллад добавились позже). В пьесе У. Шекспира «Два благородных родича» есть яркая сцена с описанием этого танца-пантомимы: деревен-

так чтобы совсем тихо.

– Цыц! – шикнула госпожа Вероломна.

– Но это неправильно...

– Молчи, говорю!

Тиффани покраснела и обиделась. Со злости она нарочно оторвала взгляд от танцоров и посмотрела на дальний конец поляны. Там собрались какие-то люди – или, по крайней мере, отсюда они казались людьми. Рассмотреть как следует не удавалось, но, может, оно было и к лучшему.

Теперь она отчётливо чувствовала, как холодает. Листья трещали, схваченные первым морозцем.

Барабан в голове ухал по-прежнему ровно, однако Тиффани стало казаться, что к нему присоединились другие удары и всё вместе эхом отдаётся под черепом.

Госпожа Вероломна может шикать сколько влезет. Этот танец – тот самый, что по традиции танцуют весной. Но сейчас для него не время!

ские юноши и девушки исполняют моррис в честь бракосочетания герцога Тезея, а деревенский учитель – распорядитель пантомимы – перечисляет персонажей действия: Мы, кто сошёлся ныне на поляне, По выговору слышно – поселяне, Простолоудины, деревенский сброд, – Хор по-учёному, простой народ. Мы перед вами собрались все вместе, Чтоб моррис станцевать для вашей чести. <...> Гвоздь представленья, главный персонаж – Кто ж как не я, слуга покорный ваш, Я действия суть вам излагаю сжато И в дар несу всё, чем перо богато. Лорд с Леди Мая следуют за мной; Служанка и Лакей, что в час ночной За занавесью крутят шуры-муры; Трактирщик с Жёнкой – щедрые натуры, Чуть путник на порог, жена мигнёт Буфетчику, чтоб увеличил счёт. Вот Шут, а вот Мужлан, что смотрит букой, И Павиан с хвостом и длинной штучкой...

Танцоры морриса приходили в деревню где-то в мае. Никто точно не мог предсказать их появление, потому что по пути они обходили множество других деревень Меловых холмов, а в каждой деревне была пивная, что очень задерживало их продвижение.

В руках они держали палки, а на белых костюмах были нашиты бубенчики, чтобы танцоры не могли незаметно подобраться к кому-нибудь. Мало приятного, если такой танцор явится как гром среди ясного неба. Тиффани обычно поджидала их вместе с другими детьми на окраине деревни, а дождавшись, вместе со всеми бежала следом, пританцовывая на ходу.

А потом они плясали моррис на деревенском лугу под барабанный бой, стуча палкой о палку, а потом шли в пивную, и это означало, что наступило лето.

Тиффани так и не поняла, при чём тут приход лета. Они пляшут, и наступает лето – вот и всё, что знали взрослые. А отец сказал, однажды танцоры морриса так и не явились, и холодная мокрая весна сменилась промозглой осенью, а месяцы между ними были полны туманов, дождей и августовских заморозков.

Мерный барабанный бой заполнил всю её голову, путая мысли. Они что-то делают не так, что-то тут не так...

И вдруг она вспомнила: был ещё седьмой танцор, его звали Шут. Обычно это был маленький человечек в помятом цилиндре и одежде, расшитой разноцветными лоскутками.

Он всё больше болтался поблизости, подставляя публике шляпу и ухмыляясь, пока кто-нибудь не бросит ему мелочь на пиво, но иногда клал цилиндр на землю и ввинчивался в танец. Всем казалось, что от такого вторжения пляска превратится в кучу-малу, но этого не происходило. Шут прыгал и вертелся ужом среди потных танцоров, и всякий раз оказывался там, где никого не было.

Перед глазами Тиффани плыло, словно весь мир кружилась в хороводе. Она моргнула. Барабаны в голове грохотали уже оглушительно, будто гром, и голос одного из них был глубоким, как океан. Она забыла и думать о госпоже Вероломне. И о странных зрителях тоже. Остался только танец.

Он вился, как живой. Но где-то в его изменчивом рисунке постоянно оставалось пустое место. Тиффани понимала, что это место оставлено для неё. Госпожа Вероломна велела стоять смирно, но это было давно – и вообще, что она понимает? Откуда ей знать? Когда она сама в последний раз танцевала? Танец проник в самое существо Тиффани, он звал её. Шестерых недостаточно!

Она бросилась вперёд и запрыгнула в вихрь танца.

Она прыгала и кружилась среди танцоров-мужчин, а те сердито смотрели на неё, но она всегда была там, где не было никого из них. Барабаны достучались до её ног, и ноги сами несли её в танце.

И вдруг... оказалось, что рядом есть кто-то ещё.

Ощущение было, будто кто-то стоит за спиной... и одно-

временно впереди, и сбоку, и над головой, и под ногами – везде.

Танцоры замерли, но мир продолжал кружиться. Их чёрные силуэты были лишь немногим темнее сгустившейся во круг тьмы. Барабаны умолкли, и один-единственный миг Тиффани парила, плавно поворачиваясь, не касаясь земли, раскинув руки, обратив лицо к звёздам, холодным и колючим, как иглы. Это было... чудесно.

Чей-то голос спросил:

– Кто ты? – И его вопрос повторило эхо, а может быть, чей-то ещё голос произнёс те же слова почти одновременно.

Снова заухал барабан, и танцоры врезались в Тиффани.

Несколько часов спустя в городишке под названием Кривопёс, далеко на равнинах, бросили в омут связанную по рукам и ногам ведьму.

В горах, где к ведьмам относятся с величайшим почтением, такого произойти никак не могло, но на широких просторах равнин до сих пор встречаются люди, которые верят самым гнусным рассказням. Кроме того, им, как правило, просто нечем заняться по вечерам.

Что в этом происшествии было необычного, так это то, что перед утоплением ведьму напоили чаем и угостили печеньем.

А всё потому, что праведные кривопёсцы Следовали Завету Книги.

Книга называлась «**Magavenatio Obtusis**»⁹.

Горожане понятия не имели, откуда взялась эта книга. Просто в один прекрасный день она обнаружилась на полке в какой-то лавке.

Разумеется, они умели читать. В современном мире читать-писать хоть немного, да приходится, без этого не прожить даже в Кривопёсе. Но они не доверяли книгам, как и людям, которые читают книги.

Однако эта книга была о том, как справляться с ведьмами. И выглядела она солидно, в ней не было всяких длинных (а значит, подозрительных) слов вроде «бланманже». Ну наконец-то, сказали добрые горожане, хоть одна полезная нашлась среди этих книжонок! Конечно, кто бы мог подумать, но помните, как оно обернулось с той ведьмой в прошлом году? Ну, которую мы макали в воду, а потом пытались сжечь живьём, а она оказалась слишком мокрая, нипочём не хотела гореть и удрала? Ну так вот, больше нас так не проведёшь!

Особенное внимание горожане уделили следующему отрывку:

Если вы поймали ведьму, крайне важно не причинять ей никакого вреда (раньше времени!). Ни в коем случае не пытайтесь её сжечь! Это ошибка, которую часто совершают неопытные охотники на ведьм. От огня ведьмы только впадают в ярость и возвращаются ещё сильнее,

⁹ Э-э-э... «Молот ведьм для чайников». (Примеч. автора)

чем прежде. Как всем известно, другой способ избавиться от ведьмы – бросить её в реку, пруд или омут.

Лучше всего действовать следующим образом.

Для начала запирайте ведьму на ночь в умеренно тёплом помещении и дайте ей столько супа, сколько она попросит. Подойдёт морковно-чечевичная похлёбка, но для наилучшего результата рекомендуется использовать суп из картофеля и лука-порея на крепком говяжьем бульоне. Именно такой суп наиболее пагубно воздействует на магические способности ведьмы. Не давайте ей томатный суп – от него её сила только увеличится!

Для пущей надёжности положите по серебряной монете в каждый из ведьминых башмаков. Она не сможет их вытащить, потому что серебро обожжёт ей пальцы.

Выдайте ведьме подушку и тёплые одеяла. Так вы хитростью заставите её проспать всю ночь до утра. Запирите дверь и проследите, чтобы никто к ней не входил.

Примерно за час до рассвета отправляйтесь в комнату, где заключена ведьма. Возможно, вы думаете, что туда следует врываться шумно, с громкими криками. **ЭТО ВЕЛИЧАЙШЕЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ!** Войдите тихо, на цыпочках подкрадитесь к постели и поставьте возле спящей ведьмы чашку чая, после чего аккуратно

отойдите обратно к двери и вежливо кашляните. Это очень важно. Резко разбуженная ведьма может натворить страшных бед.

Некоторые специалисты рекомендуют подать к чаю шоколадный пряник. Другие пишут, что имбирного печенья будет вполне достаточно. Главное, если вам дорога жизнь, никогда не предлагайте ведьме пресных галет, от них у неё из ушей посыплются искры.

Когда ведьма проснётся, прочтите приведённое ниже магическое заклинание. Оно не позволит ей обернуться пчелиным роем и улететь:

СЕБ ЛАБЯ ЕН МЕРОГ¹⁰

После того как ведьма допьёт чай, свяжите ей руки и ноги, используя первый боцманский

¹⁰ *Себ лабя ен мерог* В оригинале – «ITI SAPIT EYI MA NASS», фраза, которая для непосвящённого выглядит как самая что ни на есть учёная латынь. Эта пратчеттовская шутка основана на предположительно реальном розыгрыше. Где именно этот розыгрыш имел место (и был ли вообще), не вполне понятно: по одним версиям, в Британии, по другим – в Америке. В некоей местной газете якобы было опубликовано сенсационное сообщение о ценной археологической находке – древнеримском горшке (в американском варианте сенсационной находкой явился древний глиняный индейский горшок, что добавляет истории нелепости). По краю горшка отчётливо просматривалась надпись «ITI SAPIS POTANDA BIGONE»: местный высокоучёный профессор уверял, что это самая что ни на есть латынь, пусть немного искажённая, и даже сделал приблизительный перевод, в котором фигурировало слово «мудрость». На самом деле, если переставить интервалы на их законные места, прочитывается не латинская, а английская фраза: «IT IS A PIS POT AND A BIG ONE» – «Это ночной горшок, причём большой».

узел, и бросьте в воду. **ВАЖНО!** Постарайтесь сделать это до рассвета. Бросив ведьму в пруд или омут, немедленно расходитесь, не вздумайте оставаться посмотреть!

Разумеется, несколько человек рискнули задержаться на берегу. И увидели, что ведьма канула в воду и так и не вынырнула, и только её зловещая чёрная шляпа самым жалким образом качается на волнах. Налюбовавшись, они отправились домой завтракать.

Ещё несколько минут решительно ничего интересного не происходило. Потом шляпа поплыла к густым зарослям тростника. Там она остановилась и очень медленно приподнялась над водой. Пара зорких глаз внимательно оглядела окрестности из-под полей.

Убедившись, что поблизости никого нет, Констанция Тик, учительница и специалистка по поиску ведьм, выползла на берег и быстро скрылась в зарослях. В это время как раз рассвело. В норе барсука у неё была спрятана сумка, где лежало чистое платье, смена белья и коробок спичек (отправляясь в опасные места, она никогда не брала спички с собой, чтобы не наводить на нехорошие мысли тех, кто может её схватить).

Ну что ж, думала Констанция Тик, греясь у костра, всё могло бы обернуться и хуже. Хорошо, что в этом захолустье ещё остались люди, умеющие читать, иначе она могла бы попасть в весьма неприятную историю. Правильно она сделала,

решив отпечатать книгу крупным шрифтом.

Дело в том, что мисс Тик (она предпочитала это иностранное обращение, потому что ей нравилось, как оно звучит в сочетании с её фамилией) сама и написала «Молот ведьм для чайников». Она же и позаботилась о том, чтобы экземпляры её труда попали в земли, где люди до сих пор верили, что ведьм следует сжигать или топить.

Поскольку мисс Тик сейчас была единственной ведьмой, которая отваживалась совать нос в эти края, то на случай неблагоприятного развития событий она сама обеспечила себе ночлег и ужин перед тем, как её бросят в воду. Купание её ничуть не пугало – мисс Тик воспитывалась в Щеботанском колледже для молодых барышень, где учениц каждое утро заставляли окунаться в ледяную воду для Укрепления Силы Духа. А первый боцманский узел проще простого развязать зубами даже под водой.

Ах да, и ещё теперь у неё были две серебряные монетки по шесть пенсов. Право, думала мисс Тик, выливая воду из башмаков, кривопёсцы становятся всё глупее и глупее. И ничего удивительного – так всегда происходит, когда люди прогоняют ведьм. Ведьма, по сути, просто человек, который знает больше других. Слово «ведьма» именно это и значит. А некоторые люди не терпят, когда кто-то знает больше, чем они, и потому бродячие учителя и странствующие библиотекари теперь обходят этот городишко стороной. Если так и дальше пойдёт, то кривопёсцам, желающим забрасывать

камнями всех, кто умнее их, придётся бросаться камнями в свиней.

Городишко был мерзкой дырой, и только. К несчастью, в нём жила девочка восьми лет от роду, у которой были неплохие задатки, и мисс Тик старалась время от времени навещать её и приглядывать, как у неё идут дела. Разумеется, она не могла прийти в эти края как ведьма – хоть мисс Тик и любила окунуться по утрам в холодную воду, не стоит себя баловать. Приходилось прикидываться скромной торговкой яблоками или гадалкой. (Обычно ведьмы не предсказывают будущее, потому что это удаётся им слишком уж хорошо. Люди не хотят знать, что произойдёт с ними на самом деле, они хотят услышать что-нибудь приятное. А ведьмы никогда не подслащивают правду.)

Но на этот раз произошла неприятность. Остроконечная шляпа мисс Тик была особой модели: она могла превращаться в обычную соломенную шляпку с цветочками и обратно. И когда мисс Тик шла по главной улице городка, что-то случилось с пружиной, которая помогала шляпе вырасти, и остроконечная тулья развернулась при всём честном народе. Тут уж даже мисс Тик не смогла выкрутиться. Что ж, теперь придётся придумать что-нибудь новенькое, чтобы защитить себя в будущем. Ремесло ведьмы-лазутчицы, разыскивающей девочек с ведьмовским даром, во все времена было делом опасным. Но без него никак. Нельзя, чтобы юная ведьма росла без присмотра, несчастный ребёнок может на-

творить больших бед...

Погодите-ка, подумала мисс Тик, уставившись в костёр, почему мне вдруг пришла на ум Тиффани Болен? И почему именно сейчас?

Она поспешно вытряхнула наружу содержимое своих карманов и принялась плести путанку.

Путанки работают. Это всё, что можно сказать про них наверняка. Чтобы сделать путанку, нужен обрывок верёвки или нитки, пара прутиков и то, что найдётся в нужный момент в карманах. Для ведьм это что-то вроде складного ножа с пятнадцатью лезвиями, тремя отвёртками, лупой и шуковиной для прочистки цыплячьих ушей.

Как они работают – никто не знает. Мисс Тик, впрочем, утверждала, что путанка помогает узнать то, что ты и так откуда-то знаешь, только знание это спрятано где-то глубоко-глубоко в тебе. Путанку каждый раз надо мастерить заново с нуля, используя только то, что найдётся в карманах. Хотя не возбраняется носить на всякий случай в карманах побольше всякой полезной всячины.

Не прошло и минуты, как в руках мисс Тик оказалась готовая путанка, сделанная из:

- линейки на 12 дюймов;
- шнурка;
- обрывка выдавшей виды верёвочки;
- чёрных ниток;
- карандаша;

- точилки для карандашей;
- маленького камушка с дырой;
- спичечного коробка, внутри которого помещался мучной червь по имени Роджер и пара крошек ему на пропитание, потому что путанка обязательно должна содержать что-то живое;
- примерно половины пакетика Пастилок От Боли В Горле Госпожи Полначаши;
- пуговицы.

Всё вместе выглядело как «кошачья колыбелька» или весьма странная марионетка на безнадёжно перепутавшихся нитях. Мисс Тик уставилась на путанку, ожидая, пока она прочитает её вопрос. Потом линейка крутанулась в воздухе, пастилки взорвались розовым облаком, карандаш выстрелил и вонзился в ведьмину шляпу, а линейка покрылась инеем.

Это было вовсе не то, чего мисс Тик ожидала.

Госпожа Вероломна сидела в своей комнате внизу и наблюдала за Тиффани, спящей на втором этаже. Она смотрела на девочку глазами мыши, устроившейся на потёртой медной спинке кровати. За серыми окнами (госпожа Вероломна не мыла их добрых пятьдесят три года, и Тиффани так и не смогла отскоблить всю грязь) в лесу завывал ветер, хотя была ещё только середина дня.

Он ищет её, думала ведьма, скармливая кусок престарелого сыра другой мыши, сидящей у неё на коленях. Ищет,

но не найдёт. Здесь она в безопасности.

Вдруг мышь вскинулась, забыв про сыр, – она что-то услышала.

– А я грил! Она хдей-то тута!

– А мож, всёж-таки погрим с каргой, ыть? До сих-то пор мы с ними типсы-топсы ладили.

– Оно так, но эта карга та ишшо страхолюдина. Грят, у ней в подклетыи среди картофана демонс шлындрает.

Госпожа Вероломна не верила своим ушам.

– Они? – пробормотала она себе под нос.

Голоса раздавались из-под пола. Ведьма отослала мышь в норку на другом конце комнаты.

– Звиняй, канеш, но токо мы шас как раз в подклетыи и тута ничего, окромя картофанов.

Повисла пауза. Потом кто-то спросил:

– Дыкс хде он?

– Мож, выходной взял.

– На кой демонсу выходной?

– Мож, мамку с папкой позырить.

– Нды? А у демонсов что, мамки водятся?

– Раскудрыть налево! А ну кыкс, прекращайте препира-
кать! Она ж нас услыхнёт ишшо!

– Нае, грят, она слепая, как кротява, и глухая, как чурбач.

У мышей очень хороший слух. Госпожа Вероломна улыбнулась, когда мышка выбралась из норки, проделанной в грубой каменной стене подпола.

Ведьма посмотрела её глазами. Мыши также недурно видят в полумраке.

По подвалу крадучись шли несколько маленьких человечков. Кожа у них была синяя, покрытая татуировками и грязью. На каждом был весьма неряшливый килт, а за спиной висел меч размером с самого человечка. Волосы человечки носили небрежно заплетёнными в косу, и у всех они были рыжие, прямо-таки огненные. Один щеголял в шлеме из кроличьего черепа. Грозное впечатление несколько портило то, что шлем постоянно сползал своему обладателю на глаза.

Госпожа Вероломна, по-прежнему сидя в комнате, снова улыбнулась. Выходит, они слышали о ней? Но они ещё не всё слышали...

Когда незваные гости вылезли из подвала, протиснувшись в старую крысиную нору, к наблюдению за ними присоединились ещё две мыши, три жука различных видов и одна моль. На цыпочках человечки двинулись через комнату мимо ведьмы, которая по всем признакам крепко спала – но вдруг хлопнула со всей силы по подлокотникам кресла и заорала:

– Ыть! Я вас зырю, чудилы позорные!

Фигли ударились в панику, кинулись кто куда, налетели друг на друга и попадали на пол, дрожа от ужаса.

– Я вам не спозволяла шевелиться, ыть! – прикрикнула госпожа Вероломна с жуткой усмешкой.

– Ой-ёй-ёй! Она по-нашенски разбирает! – захныкал кто-

то из человечков.

– Вы ведь Нак-мак-Фигли, тыкс? Но я ни бум-бум знаки вашенского клану. Да охолоните вы, я вас прям ща пар-жарить не бу. Ты! Кыкс тя звать?

– Я – Явор Заяadlo Фигль, Большой Человек клана Мелового холма, – ответил человечек в шлеме из кроличьего черепа. – И...

– Ах-ха? Большой Человек, знатца? Ну тады сделай мне любезнысть, сыми свой чепунец, когда со мной гришь! – скомандовала госпожа Вероломна, до крайности довольная собой. – И выпрямься! Не потерплю, чтоб в моём домище наперекосяк стояли!

Все четверо Фиглей тут же вытянулись в струнку.

– То-то ж! – одобрила госпожа Вероломна. – А вы, остатние, хто таковые бу?

– Эт' мой брат Туп Вулли, гжа, – сказал Явор Заяadlo, тронув за плечо того Фигля, который всё норовил расхныкаться.

Названный Туп Вулли в немом ужасе тарацился на Енохи и Атутиту.

– А эти двое? Тойсь, он те два? – спросила госпожа Вероломна. – Вот ты. Тойсь, от ты, с визжалю. Ты никыкс гоннагл?

– Ах-ха, хозяйка, – сказал Фигль, выглядевший несколько почище и поопрятнее остальных (хотя надо признать, что и под старой корягой легко встретить существ почище и поопрятнее Тупа Вулли).

– И зовут тя?..

– Билли Мордаст, хозяйка.

– Чтой-то ты тыкс на меня пыришься, Билли Мордаст? – усмехнулась госпожа Вероломна. – Никыкс трусишься?

– Нае, хозяйка. Любоваюсь. Отрадностно сердцу моёму зырить такую... ведьмастую ведьму.

– О кыкс, знатца? – недоверчиво спросила госпожа Вероломна. – И чё, Билли Мордаст, ты уверен, что ни капли меня не боякаешься?

– Нае, хозяйка. Но ежли желашь, могу и побоякаться, – осторожно ответил Билли.

– Ха! – сказала госпожа Вероломна. – Да ты, я смотрю... я зырю, у нас тута умникс! А хто таков твой громаздый друган?

Билли ткнул Громазда Йана локтем в бок. Тут весь извёлся от беспокойства. Громазд Йан по меркам Фиглей был огромным детиной, но, как и многие люди, отличающиеся большой физической силой, он очень нервничал, когда приходилось иметь дело с теми, чья сила иного рода.

– Эт' Громазд Йан, хозяйка, – пришёл ему на выручку Билли, потому что Громазд Йан совсем растерялся и только тарашился себе под ноги.

– Я зырю, он носит на шее громазды зубья, – заметила госпожа Вероломна. – Никак человечьи?

– Ах-ха, хозяйка. Четыре зубовины, хозяйка. По одной за каждый мушцину, какого он вырубил.

– Ты про человеческих мужчин говоришь? – переспроси-

ла госпожа Вероломна в изумлении.

– Ах-ха, хозяйка, – подтвердил Билли Мордаст. – Он обычно на них с деревьев прыгс балдой вниз. Йан, он на черепокс оченно крепок, – добавил гоннагл, как будто это было и так не ясно.

Госпожа Вероломна откинулась в кресле:

– А таперь пообъясняйте-ка мне, чегой вы шлындраете в моём домище без спросу! Ну кыкс!

И после коротенькой-коротенькой заминки Явор Заядло жизнерадостно заявил:

– Ах, эт' лехко! Мы на хаггиса охотились¹¹.

¹¹ *Мы на хаггиса охотились.* Хаггис – это национальное шотландское блюдо: жареная, варёная или тушёная смесь из мелко порубленных бараньих потрохов (сердца, печени и лёгких) с луком, салом, толокном и разнообразными приправами. Когда-то это было кушанье для бедноты, поскольку потроха обычно предназначались на выброс. Для правильного, традиционного хаггиса всё это варится в бараньем желудке; дешёвые варианты (в частности, в шотландских фастфудах) готовятся в искусственной оболочке. Госпожа Вероломна совершенно права, утверждая, что «хаггис – это жракса из бараньих потрохов». Несмотря на малоаппетитное описание, хаггис – чрезвычайно вкусное и сытное блюдо. Подают его с картофельным и брюквенным пюре и по традиции запивают виски. Существует даже национальный спорт – «бросание хаггиса»: шотландцы соревнуются, кто дальше и точнее зашвырнёт хаггис с возвышения (обычно с бочки из-под виски); причём после броска хаггис предполагается съесть. В Шотландии хаггис традиционно подают на стол на ужин в честь дня рождения любимого шотландского поэта Роберта Бёрнса – 25 января. Это целый ритуал: хаггис вносят под музыку шотландской волынки, а за столом читают стихи Бёрнса, и просто любимые, и подходящие к случаю, в частности «Оду шотландскому пудингу „хаггис“»: В тебе я славлю командира Всех пудингов горячих мира, – Могучий Хаггис, полный жира И требухи. Строчу, пока мне служит лира, Тебе стихи. Дородный, плотный, крутобокий, Ты высишься, как холм далёкий, А под тобой под-

– А от и враскусы! – ощерилась госпожа Вероломна. – Хаггис – это жракса из бараньих потрохов!

– То токо на тот случай, когда настоящего хаггису не могёшь словить, хозяйка, – осторожно возразил Явор Заядло. – С настоящим-то потрохам не сравняться! Хаггис – он зверь пронырный, логовище себе роет в... в картофанных подклетях!

– Ах, вот, знатца, какова правда? Вы на хаггис охотились? Так оно, Туп Вулли? – Голос госпожи Вероломны вдруг сделался очень резким.

Все глаза, включая глаза случившейся поблизости ухувёртки, обратились на несчастного Вулли.

– Э... ах-ха... у... аргх... ой-ёи-ёи! – взвыл Туп Вулли и повалился на колени. – Пжалста, токо не делай со мной чего худого, хозяйка! Твоя ухокрутка очень убивственно на меня пырится!

– Хорошо, попробуем начать заново, – сказала госпожа

нос широкий Чуть не трещит. Но как твои ласкают соки Наш аппетит!.. (Пер. С. Маршака) Существует расхожая шотландская шутка: хаггис – это якобы мелкий зверёк (дикий хаггис, *Haggis scoticus*), водится в горах Шотландии, левые и правые его лапы – разной длины, чтобы бегать по крутым склонам и не спотыкаться. В Шотландии распространены мягкие игрушки-хаггисы в виде маленьких лохматых зверьков и забавные детские книжки про охоту на дикого хаггиса. Про дикого хаггиса шотландцы рассказывают туристам в ответ на вопрос, из чего готовят хаггис, – и, как ни странно, легковёрные туристы принимают этот рассказ за чистую монету. Согласно одному из опросов, 33 % американских туристов верят в то, что хаггис на самом деле дикий зверёк. Неудивительно, что изобретательные Мак-нак-Фигли прибегли к этой версии, но госпожа Вероломна оказалась не столь доверчива, как американский турист.

Вероломна и сдёрнула повязку с глаз.

Фигли испуганно шарахнулись назад, когда она положила руки на черепа по обе стороны от кресла.

– Мне не нужны глаза, чтобы учуять ложь, когда она заявляет о себе, – провозгласила ведьма. – Скажите мне, зачем вы пришли. Скажите... снова.

Явор Заядло снова ответил не сразу. Учитывая обстоятельства, эта пауза потребовала от него немалого мужества.

Потом он всё же признался:

– Эт' заради мал-мал громаздой карги мы тута, хозяйка.

– Мал-мал громаздой... Ты про Тиффани?

– Ах-ха.

– На нас седает ента громазда птахса, – добавил Туп Вулли, изо всех сил стараясь не смотреть в слепые ведьмины глаза.

– Он хочевал сказануть, на нас гюйс, гжа, – сказал Явор Заядло, сердито глянув на брата. – Это такенное...

– Гейс, чрезвычайно важное обязательство, которое нельзя нарушить, – перебила старуха. – Я кумексаю, чё тако гюйс. Но откуда он взялся?

За свои сто тринадцать лет госпожа Вероломна слышала очень, очень много историй. Но история, которую ей довелось услышать теперь, произвела на неё впечатление. Это был рассказ о девочке, которая, пусть и всего несколько дней, была кельдой клана Нак-мак-Фиглей. А ту, кто была их кельдой, пусть и несколько дней, Фигли не забудут. Никогда.

– И она – карга наших холмов, – добавил Билли Мордаст. – Она заботится о них, оберегает от всяких злей. Но...

Он замялся, и Явор Заядло пришёл на выручку гоннаглу:

– Наша кельда зырит сны. Сны про будущие. И в тех снях холмы все заледенели, и всем кирдыкс пришёл, а наша мал-мал громазда карга носит ледовый венец!

– О!

– И эт’ не всё, – сказал Билли Мордаст, широко раскинув руки, как хвастливый рыбак. – Кельда видела зелёно дерево в ледовом краю! И железно кольцо! И человека с гвоздем в сердце! Она видела куриную напасть и ходячий сыр!

Тишина повисла надолго. Потом госпожа Вероломна проговорила:

– Ну, с деревом и кольцом всё ясно, старые добрые оккультные... символы. Гвоздь тоже... та ещё метафора. Я не совсем уверена насчёт сыра... Может, это Гораций? И про куриную напасть тоже... Вы ведь не боитесь, что на вас нападут куры, или как?

– Насчёт курей Джинни очень всурьёз грила, – сказал Явор Заядло. – Она громазду кучу странных сней зырила, вот мы и решились проведать нашу мал-мал громазду каргу, позырить, каковски у ней дела.

– И вы вчетвером пустились в такой долгий путь? – спросила ведьма.

– Ну, мы ишшо мал-мал ребя прихватили, – ответил Явор. – Тока они снаружи в лесу дожидают, чтоб враз всей

толпой сюда не ломить.

– И сколько же их там?

– Пять сотен, плюс-минус спог-другой.

Госпожа Вероломна пристально уставилась на него во все свои разнообразные глаза. Явор Заядло выдержал этот взгляд с самым невинным видом и не дрогнул.

– Но ведь это вполне достойное предприятие, – наконец сказала ведьма. – Зачем же надо было лгать?

– Ах, враксы – они ж увлекастнее! – объяснил Явор Заядло.

– На мой взгляд, правда сама по себе выглядит весьма увлекательно, – возразила госпожа Вероломна.

– Мож, оно и так, но я хотел мал-мал добавить туды великаньев, пиратьев и волшебенных хорей, – сказал Явор. – Где ты ишшо такое задарма сыщешь?

– Ну да, – сказала старуха. – Когда мисс Тик привела ко мне Тиффани, она обмолвилась, что эту девочку оберегают странные силы.

– Ах-ха, – Фигль гордо выпятил грудь. – Эт' мы и есть.

– Но эта мисс Тик вечно всем указывает, что делать, – продолжала госпожа Вероломна. – Признаться, я не очень-то внимательно её слушала. Про всех девочек, которых она приводила, она говорила, что они, мол, очень способные. А на деле оказывалось, что эти вертихвостки надумали стать ведьмами, чтобы парням в глаза пыль пускать. И через несколько дней убегали, только я их и видела. Но Тиффани

не такая, нет. Она не убегает, она бросается навстречу. Если хотите знать, она попыталась станцевать с самим Зимовеем!

– Ах-ха. Мы бум-бум. Мы тама были, – сказал Явор Заядло.

– Правда?

– Ах-ха. По-за вами прихвостились.

– Но вас никто не видел. А если бы видел, я бы знала, – удивилась ведьма.

– Нды? Ну, мы в этом мастера, – широко улыбнулся Явор Заядло. – Ты не поверишь, скока народу нас в глазья не зырили.

– Она в самом деле попыталась станцевать с Зимовеем, – повторила госпожа Вероломна. – Хотя я ей говорила, что делать этого нельзя.

– Ах, все токо и грят: «Того низзя, сего низзя...», – махнул рукой Явор Заядло. – Когда так грят, сразу ясно, что оно и есть самое интересное!

Госпожа Вероломна сердито посмотрела на него глазами одной мыши, двух воронов, нескольких молей и уховёртки.

– Твоя правда, – признала она, помолчав, и вздохнула. – Да. В мои-то годы, видишь ли, молодость уже осталась так далеко позади, что порой кажется, будто это было и не со мной. Долгая жизнь вовсе не такая распрекрасная штука, как все думают. Она...

– Зимовой ищет мал-мал громазду каргу, хозяйка, – перебил Явор Заядло. – Мы зырили, как она с ним плясала. А

теперь он её сыскнуть хочет. Мы его в воях ветра чуем.

– Я знаю. – Ведьма вдруг замолчала и прислушалась. – Ветер стих, – сказала она. – Зимовей её нашёл.

Она схватила трости и с удивительной для своих преклонных лет быстротой принялась карабкаться по лестнице. Фигли проскочили у неё под ногами и первыми ввалились в комнату, где на узкой кровати спала Тиффани.

В каждом углу спальни стояло блюдо с горящей свечой.

– Но как он её нашёл? – возмущённо спросила госпожа Вероломна. – Я же её спрятала! Эй, вы, синекожая команда, ну-ка быстро притащите дров! – Она сердито к ним повернулась: – Я сказала, притащите...

Что-то глухо стукнуло раз, другой. Пыль медленно осела на пол. Фигли напряжённо смотрели на ведьму, ожидая, что она скажет. А в маленьком камине лежала большая, очень большая груда хвороста.

– Молодцы, – буркнула госпожа Вероломна. – Еле успели.

Через дымоход в комнату планировали снежинки.

Старая ведьма скрестила перед собой трости и притопнула ногой:

– Зажгись, пламя, гори, хворост! – крикнула она.

Дрова в камине вспыхнули. Но мороз уже ломился в окно, тонкие щупальца ледяных узоров с треском расползались по стеклу.

– Я в мои годы такого не потерплю! – каркнула ведьма.

Тиффани открыла глаза и спросила:
– Что происходит?

Глава 3. Тайна Боффо

Оказаться начинкой в сэндвиче из ошарашенных танцоров – удовольствие сомнительное. Плясуны были крепкие ребята. Каждый кусочек Тиффани остро ощущал, что он Бо-

лен. Синяки покрывали её с ног до головы, а один, в форме подошвы, располагался в таком месте, что она бы его ни за что никому не показала.

Фигли заполнили все плоские поверхности в комнате, где стоял ткацкий станок госпожи Вероломны. Старуха ткала, повернувшись ко всем спиной – сказала, это помогает ей сосредоточиться. Но ведь это была госпожа Вероломна, так что не имело никакого значения, как она сидит, в комнате хватало глаз и ушей, которыми она могла воспользоваться. В камине жарко пылал огонь, и повсюду горели свечи – разумеется, чёрные.

Тиффани злилась. Старая ведьма не стала кричать на неё, даже не повысила голоса. Она просто вздохнула и сказала: «Глупая девчонка», а это ранило куда больше, особенно потому, что Тиффани знала: госпожа Вероломна права. Один из танцоров отнёс её домой. А она ничего не помнила.

Ведьма никогда не делает первое, что пришло в голову. Так ведь и до хихиканья недалеко! Ведьмам приходится каждый день иметь дело с глупыми, ленивыми, лживыми или даже во всех отношениях неприятными людьми. И рано или поздно ей начинает казаться, что мир станет намного лучше, если кое-кого из этих людей хорошенько отшлёпать. Но делать этого не стоит, потому что, как объяснила однажды мисс Тик: 1) мир от этого станет лучше лишь ненадолго; 2) потом он станет ещё чуть хуже; и 3) ведьма должна вести себя умнее, чем те, кого ей хочется отшлёпать.

Ноги Тиффани пустились в пляс, и она послушалась их. А надо было слушать голову. И вот теперь она сидит у камина с жестяной фляжкой, наполненной горячей водой, на коленях и кутается в шаль.

– Выходит, Зимовей – какой-то бог? – спросила она.

– Да, он навроде бога, – ответил Билли Мордаст. – Только не из тех богов, которым молятся. Он... делает зиму. Это его работа, ежели ты меня понимаешь. Его ещё Зимним Кузнецом зовут.

– Он – стихийный дух, – прокаркала госпожа Вероломна, не отрываясь от ткачества.

– Ах-ха, – согласился Явор Заядло. – Боги, духи, демоны... Их всех без карты не вдруг и поразличишь.

– И танец нужен, чтобы призвать зиму? – продолжала допытываться Тиффани. – Но это ерунда какая-то! Моррис танцуют, чтобы поприветствовать лето, да, и...

– Ты что, дитя неразумное? – перебила старая ведьма. – Год идёт по кругу. Колесо времени должно вращаться! Вот почему мы тут, в горах, танцуем тёмный моррис. Для равновесия. Танцоры приветствуют зиму, потому что в глубине её сокрыто будущее лето!

«Щёлк-щёлк», стучал станок. Госпожа Вероломна ткала полотно из толстой коричневой шерсти.

– Ну хорошо, – сказала Тиффани. – Мы поприветствовали его. Но почему он меня-то преследует?

– Зачем ты пошла плясать? – спросила ведьма.

– Э... Среди танцоров было вроде как пустое место, и...

– Правильно. Было. Но оставили его не для тебя. Не для тебя, глупая девчонка! Ты станцевала с ним, и теперь ему охота познакомиться с девушкой, у которой хватило на это духу. Да я в жизни ни о чём подобном не слышала! Принеси-ка мне третью книгу справа на второй сверху полке моего шкафа. – Она протянула Тиффани тяжёлый чёрный ключ. – Уж с этим-то ты хоть справишься?

Ведьме нет нужды шлёпать глупцов, если у неё всегда наготове острое словцо, разящее куда больнее.

А ещё у госпожи Вероломны имелся целый книжный шкаф, что было довольно необычно для ведьмы старшего поколения. Книги, большие и тяжёлые, стояли высоко на полках, прикованные полосой чёрного железа, и до этого дня госпожа Вероломна не позволяла Тиффани даже вытирать с них пыль, не говоря уже о том, чтобы отпирать замок, скрепляющий оковы. Люди, которым доводилось видеть этот шкаф, всегда очень нервничали. Книги таили угрозу.

Тиффани отперла замок и смахнула с корешков пыль. Ага... Книги, как и их владелица, были вовсе не тем, чем казались. Они выглядели как жуткие колдовские гримуары, но их названия гласили «Энциклопедия супа» и прочее в том же роде. Один из томов оказался словарём. Рядом, покрытая паутиной, стояла та книга, которую велела принести госпожа Вероломна.

Тиффани, всё ещё красная от стыда и злости, потащила

книгу вниз, на ходу срывая с неё паутину. Некоторые нити паутины лопались со звонким «тиньк!», и пыль сыпалась с обреза. Когда Тиффани открыла книгу, со страниц пахло чем-то древним и пергаментным, как от госпожи Вероломны. Название и имя автора на обложке были вытиснены золотом, уже почти облупившимся: «Вьюркоу. Древняя и классическая мифология». Тут и там лежали многочисленные закладки.

– Страницы восемнадцать-девятнадцать, – сказала госпожа Вероломна, не поворачивая головы.

Тиффани нашла нужное место в книге.

– «Танец Времён Гада»? – с удивлением прочла она. – Тут, наверное, должно быть «Танец Времён Года»...

– К несчастью, автор этого живописного шедевра, дон Вейзен де Йойо, не был столь искусен в чистописании, как в живописи, – пояснила госпожа Вероломна. – Буквы почему-то его смущали. Я заметила, ты сперва обратила внимание на подпись, а не на картинку. Книжный ребёнок.

Рисунки были... странные. Тиффани никогда не видела маскарадных костюмов, такие развлечения были её семье не по карману, но она о них читала и теперь, увидев рисунок, подумала, что примерно так их себе и представляла.

На картинке были изображены мужчина и женщина, или, по крайней мере, существа, выглядевшие как мужчина и женщина. Рядом с женщиной была подпись: «Лето». Она была высокая, светловолосая и вообще прекрасная. Тиффани с

её каштановыми волосами и небольшим ростом невзлюбила её с первого взгляда. В руках красавица держала корзину в форме витой раковины или рога, полную плодов.

Мужчина, подписанный «Зима», был старым, седым и согбенным. В его бороде блестели сосульки.

– А эт', ясно дело, и есть Зимовей, – заявил Явор Заяadlo, взобравшись на страницу. – Дед Морозный.

– Это он? Да он выглядит так, будто ему сто лет в обед! – поразила Тиффани.

– Совсем юнец, да? – осклабилась госпожа Вероломна.

– Ты токо не давай ему тя чмокнуть, а то нос посинеет и отвалится! – жизнерадостно посоветовал Туп Вулли.

– Не смей мне такого говорить, Туп Вулли! – прикрикнула на него Тиффани.

– Дык я ж просто пытался тя подбодрить, – стушевался он.

– Разумеется, рисунок отражает лишь восприятие художника, – сказала старая ведьма.

– Что это значит? – спросила Тиффани, разглядывая картинку.

Она не сомневалась: рисунок врёт. Зимовей совсем не такой.

– Что рисовальщик всё выдумал, – вмешался Билли Мордаст. – Он ведь не видал Зимовея, куда ему... Зимовея вообще никто в глаза не видел.

– До тебя, – вставил Туп Вулли.

– Вулли... – Явор Заядло повернулся к брату. – Ты помнишь, что я тебе говорил про тактичные замечания?

– Ах-ха, Явор, помню, – смиренно ответил Вулли.

– Дыкс эт' вот было нетактичное.

Вулли понурился:

– Звиняй, Явор.

Тиффани сжала кулаки:

– Я вообще не хотела, чтобы всё так вышло!

Госпожа Вероломна величественно повернулась к ней вместе с креслом:

– Да? А чего же ты хотела? Может быть, ты пустилась в пляс просто вопреки моему запрету? Юности свойственно не слушаться старших. Но прежде чем делать что хочешь, нужно подумать. Ты вообще думала тогда? Люди и раньше вешивались в танец. Дети, пьяницы, юнцы, поспорившие с друзьями, что сделают это... И ничего. По мнению большинства, весенний и осенний танцы, это... всего лишь старая традиция. Просто способ отметить момент, когда власть над миром переходит ото льда к огню и обратно. Но некоторые из нас думают иначе. Мы считаем, танец что-то меняет в мире. Для тебя он стал реальностью, и нечто действительно произошло. И теперь Зимовой ищет тебя.

– Но зачем? – выдавила Тиффани.

– Не знаю. Ты что-нибудь видела, когда плясала? Или, может быть, слышала?

Как можно описать словами чувство, будто ты – сразу всё

и повсюду? Тиффани не стала и пытаться.

– Мне... мне кажется, я слышала голос. Или, может, даже два голоса, – пробормотала она. – Эмм... Они спросили, кто я такая.

– Ин-те-рес-но, – проговорила госпожа Вероломна. – Два голоса, говоришь? Я подумаю, чем это может обернуться. Одного я не могу понять: как он тебя разыскал? Об этом я тоже ещё поразмыслю. А до тех пор советую тебе одеваться потеплее.

– Ах-ха, – поддакнул Явор Заядло. – Зимовой, он тёпlosti не выносит. Ох ты ж, я вдругорядь балду свою забудну! Мы ж тебе письмо принесли с того дупла в лесе. Вулли, отдай мал-мал громаздой карге письмо. Мы его призахватили по пути.

– Письмо? – переспросила Тиффани под стрёкот ткацкого станка.

Туп Вулли потянул из спога большой, свёрнутый в трубку и основательно перепачканный конверт.

– Эт' от того чиха верзунского с громаздного замку в холмьях, – пояснил Явор Заядло, пока Вулли всё пытался вытащить конверт. – Он шкрябит, что у него всё типсы-топсы и он надеждится, что у тебя тож и что ты вскорости возвернёшься домой, и там ишшо про как бураны поживают и всяко-такo. Ничё интересневого, как по мне. И ишшо буковы «ЦОКК» на конхверте, токо мы ни бум-бум, чё оно значит¹².

¹² Эти буквы означают «Целую-обнимаю крепко-крепко». У нас в Круглом ми-

– Ты читал письмо, предназначенное мне? – ужаснулась Тиффани.

– Ах-ха, нае проблемо, – гордо выпятил грудь Явор. – Билли Мордаст мне мал-мал подмогнул с длиннвявыми словами, но так-то я почти всё сам прочитил. – Его сияющая улыбка померкла, когда он заметил, как смотрит на него Тиффани. – А, ты небось мал-мал обижукаешься, что мы твой конхверт разлепили! Не боись, мы его обратно улитой заплющили. С виду и не сказанёшь, что его ктой-то читил.

Он смущённо кашлянул, потому что взгляд Тиффани ни капли не потеплел. Фигли вообще побаиваются женщин, а уж ведъм особенно. Подождав, когда Явор Заядло окончательно смутится, Тиффани спросила ледяным тоном:

– Откуда вы узнали, где искать письмо?

Краем глаза она покосилась на Тупа Вулли – тот жевал подол своего килта. Верный признак того, что Вулли сильно напуган.

– Э... хошь, я тебе мал-мал с три короба наврую? – робко предложил Явор Заядло.

– Нет!

– Но это ж увлекательственные три короба! С драконсами, однорогами и...

– Нет. Скажи правду.

ре похожее сокращение («S.W.A.L.K. – Sealed With A Loving Kiss», букв. «Запечатано нежным поцелуем») было распространено в Англии более полувека назад, но с тех пор вышло из моды и почти забылось. (Примеч. перев.)

– Ах, но она ж такая нуднявая... – вздохнул Явор Заядло. – Мы просто в баронский замок пролазнули и прочитали все твои письма, а ты там нашкрябила, что почтонос знает: письма для тебя надо оставлять в дупле у водохлёста.

Даже если бы в эту минуту в дом зашёл Зимовей, воздух в комнате не стал бы холоднее. Некуда уже было.

– Он хранит твои письма в шкатулке под... – попытался продолжить Явор Заядло, но умолк и закрыл глаза, потому что терпение Тиффани лопнуло даже громче, чем лопалась странная паутина в доме госпожи Вероломны.

– Вы что, не знаете, что чужие письма читать нельзя? – отчеканила Тиффани.

– Э... – начал Явор Заядло.

– И вдобавок вы вломились в замок барона!

– Э, нет-нет-нет-нет-нет! – закричал Явор Заядло, подпрыгивая, как мячик. – Эт' ты нам не приштопаешь! Мы просто прошмыргнули через одну из тамошних щелин для лукового стрелянья...

– И прочли мои личные письма, предназначенные лично Роланду? – перебила Тиффани. – Они же личные!

– Ах-ха, оно так, – признал Явор Заядло. – Но ты не изводись, мы никому не растреплем, что там нашкрябано.

– Мы ж не растрепали ни словечка про то, что ты в дневныхе шкрябишь, – добавил Туп Вулли. – Даж про цветики и всяко-такo там вокруг.

Госпожа Вероломна сейчас ухмыляется у меня за спиной,

подумала Тиффани. Совершенно точно. Но Тиффани больше не могла злиться на Явора и компанию. Каждый, кто имеет дело с Фиглями, рано или поздно исчерпывает запас сердитых слов.

«Ты была их кельдой, – напомнил Задний Ум. – Они убеждены, что их долг – защищать тебя. И не важно, что ты сама об этом думаешь. Они ещё ох как попутают тебе карты в этой жизни...»

– Не читайте больше мои письма, – устало сказала Тиффани. – И дневник тоже.

– Лады, – легко согласился Явор Заядло.

– Даёшь слово?

– Ах-ха.

– Но ты и раньше это мне обещал!

– Ах-ха.

– Крест на сердце, чтоб ты сдох?

– Ах-ха. Нае проблемо.

– Честно-пречестно слово лживого вороватого пройдохи-Фигля? – усмехнулась госпожа Вероломна. – Вы ж эт' такс кумексаете: мы ужо всё одно кирдыкснулись, так чё нам бу, ежли мы словесо и порушим, ах-ха? Верно я грю?

– Ох, верно, хозяйка, – ничуть не смутился Явор Заядло. – Спасибы, что напоянула.

– Да ты ж и не дум-дум своё словесо держать, Явор Заядло!

– Верно, хозяйка. Всяки-таки несчастны мал-мал словеса

непочём не удержу. Тут дело тако: мы ж должны во что б ни стало нашую громазду мал-мал каргу обережать. Мы и жисти свои должны покласть за неё.

– А кыкс вы свои жисти покладёте, ежли вы уже скопытились? – резко спросила ведьма.

– Ах-ха, тута так сразу и не скумексаешь, кыкс нам их покласть. Проще уж покласть жисти всех чучундр, кто ей злочинить удумает.

Тиффани смирилась с судьбой.

– Мне уже тринадцать, – сказала она. – Я сама могу о себе позаботиться.

– Нет, вы послушайте эту госпожу Я-всё-сама! – фыркнула госпожа Вероломна, но не слишком ядовито. – И с Зимовеем, значит, сама разберёшься?

– Что ему от меня нужно? – спросила Тиффани.

– Я же тебе говорила. Возможно, он хочет поближе посмотреть на девицу, у которой хватило наглости плясать с ним, – ответила ведьма.

– Но это была не я! Меня ноги сами понесли танцевать! Я не хотела!

Госпожа Вероломна повернулась к девочке в своём кресле. «Интересно, чьими глазами она сейчас на меня смотрит? – подумала Тиффани Задним Умом. – Глазами Фиглей? Воронов? Мышей? Всех вместе? А может, и жучиными глазами с их множеством граней? Сколько их всего, этих глаз? Сколько Тиффани она сейчас видит?»

– А, ну тогда всё хорошо, – проговорила ведьма. – Раз ты не хотела... Ведьма всегда в ответе! Ты что, так ничему и не научилась, деточка?

Деточка. Для почти тринадцатилетнего человека нет оскорбления хуже. Тиффани почувствовала, что её опять бросило в краску. Жар стыда ударил её в голову.

Вот почему она твёрдым шагом пересекла комнату, распахнула переднюю дверь и вышла наружу.

Пушистый снег мягко ложился на землю. Тиффани запрокинула голову и посмотрела в низкое серое небо. Снежные хлопья порхали, как пёрышки. Когда на Меловых холмах шёл такой снег, люди говорили: «Матушка Болен своих овечек стрижёт».

Тиффани двинулась прочь от домика, снежинки опускались на её волосы и таяли. Госпожа Вероломна что-то кричала ей вслед, но она шла и шла, и обжигающее чувство стыда гасло под снегом.

Конечно, я сделала глупость, думала она. Но быть ведьмой вообще глупо. Зачем мы занимаемся своим ремеслом? Это ведь тяжкий труд, а награда за него так мала. Когда госпожа Вероломна может сказать, что у неё выдался удачный день? Когда кто-нибудь подарит ей пару старых башмаков как раз по ноге! Да что она вообще понимает?

И, кстати, где же Зимовой? Где-то рядом? Почему я должна верить госпоже Вероломне? Всё это только слова и выдуманная картинка в книжке!

– Зимовей! – крикнула она.

Было слышно, как падает снег. Он ложился на землю с тихим холодным шипением.

– Зимовей!

Нет ответа.

А чего она ожидала? Громового баса над ухом? Явления господина Сосульки собственной персоной? Ничего не происходило, только снег мягко и терпеливо падал среди тёмных деревьев.

Тиффани почувствовала себя немного глупо, но всё равно осталась довольна собой. Вот так поступает настоящая ведьма! Она идёт навстречу своему страху, и страх бежит! Она молодец, она справилась.

Она обернулась и увидела Зимовея.

«Запоминай, – посоветовал проснувшийся вдруг Дальний Умысел. – Любая мелочь важна».

Зимовей был...

Ничем. Но снег очерчивал его силуэт. Снежинки парили вокруг него, словно скользя по невидимой коже. Зимовей был всего лишь пустотой, имеющей форму, только два лиловых огонька горели на месте глаз.

Тиффани стояла неподвижно, её разум застыл, её тело напрасно ждало указаний, что ему делать.

Рука из падающего снега протянулась к ней – медленно и осторожно. Так тянутся к зверьку, которого боятся испугнуть. И было в этом движении что-то большее, что-то невы-

сказанное за отсутствием голоса, какое-то стремление, словно невидимое существо вложило в жест всю душу, пусть даже оно и не подозревало о том, что такое душа.

Сжатая в кулак рука замерла в фуге от Тиффани, повернулась ладонью вверх и разжалась.

Что-то блеснуло. На невидимой ладони лежала тонкая серебряная цепочка с серебряной Белой Лошадью.

Тиффани невольно вскинула руку к вырезу платья. Но ведь вчера украшение было на ней! Когда она отправилась... смотреть... танец...

«Любопытно, – заметил её Дальний Умысел, который всегда был себе на уме и любил поразмыслить о событиях просто забавы ради. – Кулак был невидимый, но всё же скрывал в себе вещицу. Как это получается? И почему там, где положено быть глазам, горят эти лиловые огни? Почему их то видно?»

В этом был весь Дальний Умысел. Если бы на голову, служившую ему вместилищем, падал огромный камень, он бы прикидывал: «Любопытно, это вулканическая порода вроде гранита или что-то мягкое – песчаник, например?»

Та часть Тиффани, которую в эту минуту не настолько интересовали мелкие несоответствия, просто смотрела на лошадку, покачивающуюся на цепочке.

Здравый Смысл говорил: «Возьми её».

Задний Ум возражал: «Не бери. Это ловушка».

И Дальний Умысел ему вторил: «Не бери. Ты и предста-

вить себе не можешь, какая она холодная».

А потом всё остальное в ней перекричало умы-разумы: «Возьми. Это часть того, что ты есть. Возьми. Когда ты берёшь её в руки, ты думаешь о доме. Возьми её!»

Она протянула правую руку.

Зимовей обронил лошадку ей в ладонь.

Тиффани машинально сжала кулак. Лошадь и правда оказалась невообразимо холодной, и холод этот обжигал.

Тиффани закричала. Очерченный снежинками силуэт Зимовея рассыпался шквалом хлопьев. Снег на земле взорвался с воплями «Раскудрить!», набежавшие толпой Фигли подхватили её за ноги и так, стоймя, унесли прочь с лесной поляны обратно в дом.

Тиффани заставила себя разжать кулак и другой дрожащей рукой потянула за цепочку, оторвав лошадку от ладони. Там, где она была, остался отпечаток, в точности повторяющий очертания подвески: белая лошадь на розовой коже. Это был не ожог, это было... обморожение.

Госпожа Вероломна с грохотом развернула своё кресло на колёсах.

– Подойди сюда, деточка, – велела она.

Баюкая больную руку и изо всех сил сдерживая слёзы, Тиффани подчинилась.

– Стань рядом с моим креслом, сию же секунду!

Тиффани снова послушалась. Не время перечить.

– Я хочу заглянуть в твоё ухо, – сказала старая ведьма. –

Убери с него волосы.

Тиффани отвела в сторону волосы и вздрогнула от щекотки, когда её уха коснулись мышинные усики. Потом мышку убрали.

– Удивительно, – проговорила госпожа Вероломна. – Ничего не видно.

– Э... а что вы думали там увидеть? – отважилась спросить Тиффани.

– Сквозной проём! – гаркнула ведьма так громко, что её мышка пустилась наутёк. – У тебя что, совсем мозгов нет, деточка?

– Ежли вам вдруг оно надуть, – вмешался Явор Заяadlo, – то Зимовей-то, кажись, драпс-драпс. И снежить перестало.

Его никто не слушал. Если уж у ведьм случается перепалка, они уходят в неё с головой.

– Это моя вещь!

– Побрякушка!

– Нет!

– Не, мож, вам и не до того шаз... – не оставлял попыток несчастный Фигль.

– Разве она нужна тебе, чтобы быть ведьмой?

– Да!

– Ведьмам приспособления ни к чему!

– Вы же путанки используете!

– Используем, да! Но мы в них не нуждаемся! Мы прекрасно можем обойтись и без них!

– Просто этот чучундра как бы слился... – вымученно улыбался Явор Заядло.

И тут Тиффани не смогла сдержаться. Гнев потянул её за язык. Как смеет эта глупая старуха говорить ей, что им ничего не нужно!

– Боффо! – крикнула она. – Боффо! Боффо! Боффо!

Тишина обрушилась на дом, прихлопнув все звуки. Спустя какое-то время госпожа Вероломна сказала, отвернувшись от Тиффани:

– А ну кыкс вы, угрязки фиглёвские! Живо драпс отсюда! Я учую, если хто остатнется! Тута дело не ваше, оно карговское!

По всех комнате раздались быстрые «ших» и «шух», и дверь кухни захлопнулась.

– Так-так... – протянула старая ведьма. – Выходит, ты знаешь про боффо?

– Да, – призналась Тиффани, тяжело дыша. – Знаю.

– Очень хорошо. А ты кому-нибудь рассказывала... – Госпожа Вероломна вдруг замолчала и прижала палец к губам. Потом громко стукнула тростью об пол: – Вон, я грю, чувырлы пронырные! В лесы шныряйте, быр-быро! Позырьте, правда ль он ушлындрил! А если хто ослухнется, я вину сквозь глазья его узырю!

Послышался грохот осыпавшейся горы картошки в подвале – это Фигли кинулись прочь через отдушину.

– Вот теперь они ушли, – сказала госпожа Вероломна. – И

не вернутся без спросу. Боффо об этом позаботится.

Прошло всего несколько мгновений, но ей их хватило, чтобы измениться. В ней вдруг стало больше человеческого и меньше жуткого. Ну, немного меньше.

– Как ты узнала? – спросила ведьма. – Ты вынюхивала тут, совала всюду нос? Рылась в моих вещах?

– Нет! Я не такая! Это произошло случайно, однажды, когда вы решили вздремнуть днём! – Тиффани потёрла ладонь.

– Очень болит? – спросила госпожа Вероломна, подавшись вперёд.

Пусть она и была слепой, но, как и любая старшая ведьма, хоть чего-то стоящая в своём деле, она замечала всё.

– Нет, уже не очень. Но болело сильно. Я только хочу сказать...

– Сперва научись слушать! Думаешь, Зимовой убрался восвояси?

– Он как бы растворился в воздухе... В смысле, ещё больше растворился. Наверное, он просто хотел отдать мне ожерелье.

– И, по-твоему, это нормально для духа зимы, повелителя вьюг и морозов? Думаешь, так он обычно себя и ведёт?

– Откуда мне знать! Я с духами зимы раньше не встречалась!

– Ты танцевала с ним!

– Я не знала, что так получится!

– Тем не менее.

Тиффани некоторое время ждала продолжения, потом спросила:

– Что тем не менее?

– Вообще тем не менее. Эта лошадка привела его к тебе. Но сейчас его поблизости нет, тут ты права. Я бы знала, будь он рядом.

Тиффани подошла к двери, поколебалась мгновение, распахнула её и вышла наружу. Тут и там ещё лежал снег, но было ясно, что день вот-вот станет обычным пасмурным зимним днём.

Я бы тоже знала, будь он рядом, подумала Тиффани. Сейчас его тут нет. А её Задний Ум тут же поинтересовался: «Да? И откуда бы ты об этом узнала?»

– Мы оба касались лошадки, – прошептала она.

Поигрывая серебряной цепочкой, Тиффани оглядела голые ветви спящих деревьев. Лес устраивался на зимовку, сворачиваясь клубком, чтобы согреться.

Зимовей не исчез совсем, но сейчас он был где-то далеко. Должно быть, у него много дел, творить зиму – это не шутка...

– Спасибо! – сказала она просто по привычке (мама всегда говорила Тиффани, что вежливость ничего не стоит, а возвращается сторицей) и вернулась в дом.

Внутри было жарко натоплено, но поленница госпожи Вероломны всегда была высока. И всё благодаря Тайне Боффо. Местные лесорубы постоянно подкладывали в поленни-

цу дров. Замерзшая ведьма может здорово испортить жизнь.

– Я бы не отказалась от чашечки крепкого чаю, – сказала старуха, когда Тиффани с задумчивым видом вернулась в комнату.

Подождав, когда она закончит мыть чашку, ведьма спросила:

– Ты слышала, какие слухи ходят обо мне, деточка?

Она произнесла это добрым, тихим голосом. Наставница и её ученица могли кричать друг на дружку, могли наговорить лишнего, могли бушевать и пререкаться. Но они жили в доме одни, и больше идти было некуда. Примирительный тон предлагал забыть о ссоре, и Тиффани обрадовалась.

– А, что у вас демон в подвале живёт? – отозвалась она, всё ещё ломая голову над неразрешимыми вопросами. – И что вы питаетесь пауками? И что к вам заходят короли и принцы? И что любой цветок, если посадить его в вашем саду, расцветёт чёрным?

– Правда? – просияла госпожа Вероломна. – А вот этого, про цветы, я не знала. Как мило! А слышала ты, что зимой, когда ночи длинные, а дни короткие, я брожу по окрестностям и подбрасываю тем, кто хорошо себя вёл, мешочки серебра? А тем, кто вёл себя плохо, я взрезаю брюхо ногтем на большом пальце – вот так!

Тиффани испуганно отпрыгнула, когда морщинистая рука резко развернула её и жёлтый ведьмин ноготь чиркнул воздух возле её живота. В эту минуту смотреть на старуху

было по-настоящему страшно.

– Нет! Нет, ничего такого я не слышала! – пискнула Тиффани, вжавшись спиной в раковину.

– Надо же! А ведь какая чудная была история, притом основанная на реальных событиях! – покачала головой госпожа Вероломна, и её оскал постепенно превратился в обычную улыбку. – А что у меня коровий хвост?

– Коровий хвост? Нет!

– Неужели? Какая досада! – Старуха опустила руку с жутким когтем. – Так хорошие рассказчики в наших краях того гляди переведутся. Надо бы как-то их поддержать.

– Это ведь тоже боффо, да? – спросила Тиффани.

В глубине души она немного сомневалась. Палец госпожи Вероломны сильно её напугал. Теперь она понимала, почему предыдущие ученицы долго не продержались.

– Ага, ты всё-таки соображаешь, когда захочешь! Конечно, да. Боффо, да, так я это называю. Боффо оно и есть. Искусство завораживать публику. Дай людям то, что они хотят видеть, покажи им то, чего они ждут. И вообще, должна же я поддерживать свою репутацию!

Боффо, подумала Тиффани. Боффо, боффо, боффо...

Она подошла к черепам, перевернула один из них и прочитала надпись на ярлыке снизу, ту самую, которую впервые увидела месяц назад:

ЧЕРЕП УЖАСАЮЩИЙ № 1. Цена: 2 долл. 99 ц.

Лавка полезных мелочей
и увеселительных товаров «БОФФО»

Анк-Морпорк, 10-я Яичная ул., д. 4

Где смех — там «БОФФО»!

– Ну прямо как живые, правда? – усмехнулась госпожа Вероломна, подковыляв обратно к своему креслу. – Если, конечно, так можно сказать о черепах. В этой лавке продаётся удивительная машинка, чтобы ткать паутину. Заливаешь в неё такую особую липкую пакость и, немного поднаторев, можешь делать очень недурственные паутинки. Я, видишь ли, на дух не выношу всяких мохнатых-многоногих тварей, но без паутины в моём деле не обойтись. Ты разглядела, что в ней за дохлые мухи болтаются?

– Да, – сказала Тиффани, взглянув на потолок. – На самом деле это изюминки. Я думала, у вас живут пауки-вегетарианцы.

– Молодец. По крайней мере, зрение у тебя отличное. Моя шляпа тоже из той лавки. Если не ошибаюсь, она называлась «Старая Злая Ведьма Номер Три, Самое То Для Вечеринок Со Страшилками». Если тебе интересно, у меня и каталог сохранился.

– А что, все ведьмы делают покупки у «Боффо»? – любопытствовала Тиффани.

– Только я, по крайней мере, в наших краях. Ах да, ещё бабуля Упаси из Дваждышмяка покупала там бородавки.

– Но... зачем? – спросила Тиффани.

– Никак не могла вырастить их, бедняжка. Как она ни старалась, не росли они на ней, хоть тресни. Чего она только не пробовала, а лицо так и оставалось гладким, как попка младенца, до самой гробовой доски.

– Нет, я имела в виду, зачем вам нужно выглядеть так... – Тиффани помедлила, подбирая слово, – ужасающе?

– У меня на то свои причины, – ответила госпожа Вероломна.

– Но ведь все эти жуткие истории о вас неправда? Вы ничего такого не делаете? И короли с принцами не приходят к вам за советом?

– Нет, хотя могли бы и прийти, – с гордостью отвечала госпожа Вероломна. – Если бы сбились с дороги, например. О, об этих историях я знаю всё. Я же сама их и сочинила.

– Вы сами сочинили все эти истории про себя?

– О да. Разумеется. Почему бы и нет? Нельзя доверять такое важное дело непрофессионалам.

– Но люди верят, что вы способны посмотреть в глаза человеку и увидеть его душу!

Старая ведьма коротко хохотнула:

– Да. Как раз это не я придумала. Хотя, скажу тебе, что-

бы разглядеть души некоторых моих подопечных, потребовалось бы увеличительное стекло! Я вижу, что они видят, я слушаю их ушами. Я знавала их отцов, дедов и прадедов. Я знаю все слухи, все секреты, все рассказы и всю правду. Для них я – Правосудие. Сама справедливость. Посмотри на меня. Попробуй увидеть меня.

Тиффани посмотрела – сквозь чёрный плащ и черепа, сквозь резиновую паутину и чёрные цветы, сквозь повязку на глазах и жуткие истории – и увидела маленькую глухую и слепую старушку.

Всё дело было в боффо. Не в самих по себе дурацких розыгрышах для вечеринок, а в боффо-мышлении, в слухах и сказках. Госпожа Вероломна была могущественной ведьмой, потому что все считали её такой. Примерно так же работала обычная ведьмовская шляпа, но госпожа Вероломна достигла в искусстве боффо удивительных высот.

– Ведьма в приспособлениях не нуждается, госпожа Вероломна, – сказала Тиффани.

– Не умничай со мной, деточка. Разве юная Ветровоск не объясняла тебе? Конечно, нам не нужны ни волшебные палочки, ни путанки, ни даже остроконечные шляпы, чтобы быть ведьмами. Но всё это помогает устроить представление! Люди этого ждут. Тогда они готовы поверить в тебя. Я не достигла бы в этой жизни того, чего я достигла, если бы расхаживала в смешной шапочке с помпоном и клетчатом переднике! Я выгляжу соответственно своему положению. Я...

Снаружи, со стороны молочни, донёлся грохот, как будто там что-то грузно упало.

– Наши маленькие синие друзья безобразничают? – приподняла брови госпожа Вероломна.

– Нет, им строго-настрого запрещено входить в любую молочню, где я делаю сыр, – сказала Тиффани уже на ходу, спеша к двери. – О боги, надеюсь, это не Гораций...

– А я ведь тебе говорила, что от него будут одни неприятности, помнишь? – крикнула ей вслед старая ведьма.

Это оказался-таки Гораций. Он опять выщемился из клетки. Когда ему было нужно, он умел пустить слезу.

На полу лежали осколки маслёнки. Прежде она была полна масла, но теперь масла нигде не было. Только жирное пятно.

А из тёмного угла под раковиной доносилось торопливое утробное: «Мням-ням-ням-ням...»

– Я смотрю, теперь ты перешёл на масло, да, Гораций? – строго спросила Тиффани, схватив метлу, которой прибирала в молочне. – Это ведь почти что каннибализм с твоей стороны, знаешь ли.

И всё-таки лучше масло, чем мыши, подумала она. Было довольно неприятно наткнуться в молочне на кучки мышинных костей. Даже госпожа Вероломна ничего не могла поделать. Мышка, глазами которой она смотрела, как-то раз решила отведать сыру, а потом вдруг пала темнота.

А всё потому, что этим сыром был Гораций.

Тиффани и раньше знала, что ланкрский синезильный – сыр с характером. Но она достигла немалого мастерства в сыроварении (хотя ей этого никто и не говорил), а Гораций определённо был её творческой удачей. Синие прожилки, придававшие этому виду сыра неповторимый оттенок, вышли очень миленькие, хотя Тиффани и сомневалась, что они должны были светиться в темноте.

Она потыкала темноту под раковиной ручкой метлы. Понимался хруст, Тиффани вытащила метлу и обнаружила, что ручка укоротилась на пару дюймов. Потом раздалось звонкое «Тьфу!» – и обломок рикошетом отскочил от дальней стены.

– Ах так? Тогда молока больше не получишь! – прикрикнула Тиффани и выпрямилась, а сама тем временем подумала: «Зимовей пришёл вернуть мне лошадку. Не поленился, времени не пожалел».

Хм...

Если подумать, это выглядит довольно-таки... лестно.

Ну, то есть, у него ведь дел по горло: надо спускать лавины и гонять бури, изобретать новые формы снежинок и всё такое прочее, и он всё же нашёл минутку, чтобы прийти и вернуть мне ожерелье. Хм...

И он просто стоял передо мной.

А потом просто растворился в воздухе... В смысле, ещё больше растворился.

Хм...

Оставив Гораця недовольно ворчать под раковиной, Тиффани вернулась в дом, заварила чай и отнесла его госпоже Вероломне в комнату с ткацким станком. Потом тихо поднялась к себе в спальню.

Дневник Тиффани был уже три дюйма толщиной. Анна-грамма, которая тоже училась на ведьму в здешних краях и считалась подругой (ну, более или менее подругой) Тиффани, утверждала, что дневник должен зваться Книгой Теней и страницы его должны быть пергаментные, а писать в нём следует особыми чернилами, купленными в «Магазине магических принадлежностей Закзака Рукисилы» по привлекательной цене (по крайней мере, привлекательной для Закзака).

Тиффани не могла позволить себе такой дневник. Единственной платой за услуги ведьмы может быть только ответная услуга. Правда, госпожа Вероломна позволяла ученице торговать сыром, однако бумага в горах стоила дорого и странствующие торговцы приносили её лишь небольшими пачками. Зато у них можно было купить унцию-другую¹³ железного купороса, и если смешать его с чернильными орешками, которые растут на некоторых видах дубов, или с зелёной кожурой лесного ореха, получались вполне приличные чернила.

Тиффани постоянно подклеивала страницы, и дневник сделался толстым, как кирпич. Она подсчитала, что, если пи-

¹³ Одна унция равна приблизительно 28 граммам. (Примеч. ред.)

сать помельче, его хватит ещё по меньшей мере на пару лет.

На кожаной обложке она горячей шпилькой вывела предупреждение: «Фиглям не открывать!» Толку от него не было никакого. Фигли любые запреты считали приглашениями. С некоторых пор Тиффани стала писать отдельные страницы шифром. Грамота вообще трудно давалась народу Меловых холмов, а шифр им и подавно было не разгадать.

Но на всякий случай Тиффани всё равно тщательно огляделась, прежде чем отпереть большой висячий замок, скреплявший цепочку, которой был опутан дневник. Потом открыла чистую страницу, обмакнула перо в чернильницу и написала:

Встр с *

Да, снежинка будет самым подходящим секретным обозначением Зимовея.

Он просто стоял, подумала Тиффани.

И убежал, когда я закричала.

Наверное, это хорошо, что он убежал.

Хмм...

Вот только...

Теперь я жалею, что закричала.

Она посмотрела на ладонь. Отпечаток лошадки был белый как мел, но совсем не болел.

Тиффани слегка передёрнулась и попыталась взять себя в руки. Что особенного произошло? Она повстречалась с духом зимы. Она ведьма. С ведьмами такое иногда случается.

Он вежливо вернул то, что ей принадлежит, и был таков. И совершенно нечего тут сантименты разводить. Дел полно.

Она написала:

Псм от Р.

Тиффани очень осторожно открыла конверт. Это было нетрудно, потому что клей из улиточьей слизи получается неважный. Если повезёт, конверт даже удастся использовать ещё раз. Нагнувшись так, чтобы никто не мог заглянуть ей через плечо, Тиффани развернула письмо. В заключение она крикнула:

– Госпожа Вероломна, не могли бы вы перестать использовать мои глаза? Они нужны мне для личных целей. Пожалуйста!

Сначала ничего не изменилось, потом снизу донеслось тихое ворчание, и щекотка в глазах прошла.

От писем Роланда Тиффани всегда делалось... хорошо. Да, он часто писал об овцах и других столь же обыденных сторонах жизни холмов и иногда вкладывал в конверт засушенный цветок – колокольчик или примулу. Матушка Болен этого не одобрила бы. Она всегда говорила: если бы холмы хотели, чтобы люди рвали цветы, они бы позаботились, чтобы цветов на них было больше.

Письма навевали тоску по дому.

Как-то раз госпожа Вероломна спросила: «А что это за молодой человек тебе всё время пишет? Твой кавалер, да?» Тиффани удалось перевести разговор на другую тему, а по-

том, когда она улучила минутку и заглянула в словарь, ей почти удалось не покраснеть.

Роланд... Он... В смысле, главное, что он... То есть самое главное... в общем... главное, что он просто есть.

Да, когда они познакомились, он был бестолковым увальнем, от которого помощи ждать не приходилось. Но что удивительного? Он ведь, кроме всего прочего, около года прожил в плену у Королевы эльфов, разжирел, как свинья, и едва не сошёл с ума от сладкого и безысходности. А до и после этого его воспитанием занимались две надменные тётки, потому что его отец, барон, больше интересовался собаками и лошадьми.

С тех пор Роланд довольно-таки сильно изменился: думать стал больше, шуметь меньше, набрался серьёзности и подрастерял глупость. И ещё ему приходилось носить очки – первые очки на Меловых холмах.

И у него была библиотека! Больше сотни книг! То есть на самом деле, конечно, библиотека являлась семейным достоянием, но никто другой в замке ею всё равно не интересовался.

Некоторые книги были огромные и старинные, в деревянных переплётках, на их страницах красовались большие чёрные рукописные буквы и цветные рисунки, изображающие диковинных зверей и далёкие страны. На полках стояли «Повесть удивительных лет» Осохлябстера, «Почему всё так, а не иначе» Клюкфинга и «Большая детская энцикло-

педия», в которой не хватало одного тома. Умение Тиффани читать и понимать иностранные слова произвело на Роланда огромное впечатление, и она не стала говорить ему, что обязана этим эху, оставшемуся от доктора Хлопстела.

Короче говоря... Суть в том, что... Да с кем ещё им было дружить? Роланд не мог, никак не мог завести друзей среди деревенских мальчишек, он ведь был баронский сын и всё такое. А Тиффани теперь носила остроконечную шляпу, а это что-нибудь да значит. В холмах не особенно жаловали ведьм, но она же внучка матушки Болен, так? Кто знает, чему девочка успела научиться от бабки там, в пастушьей кибитке на высоком пастбище. И, говорят, она показала этим горным ведьмам, как надо ведьмовать по-настоящему, а? А помните, как в прошлом году, во время окота дело было? Да наша Тиффани одним взглядом возвращала мертворождённых ягнят с того свету! И она Болен, а у Боленов холмы в самых костях. Она правильная девочка. И она – наша девочка, ясно?

И всё бы ничего, но одна беда: у Тиффани не осталось друзей в родных краях. Те, с кем она дружила в раннем детстве, теперь держались... почтительно. И всё из-за шляпы. Между Тиффани и её старыми друзьями встала стена, как будто она, Тиффани, выросла, а они так и остались детьми. О чём им было говорить? Она успела побывать в таких местах, которые им и вообразить не под силу. Да большинство из них не видели даже местечка под названием Дверубахи,

до которого всего полдня езды. И ничуть не переживали из-за этого. Они собирались всю жизнь заниматься тем же ремеслом, что и их отцы, или растить детей, как их матери. И в этом нет ничего плохого, поспешно добавила Тиффани про себя. Но они не решали, какой будет их жизнь. Жизнь сделала выбор за них, а они даже и не заметили.

И в горах дела обстояли ничуть не лучше. Тиффани могла нормально поговорить только с такими же, как она, начинающими ведьмами – Аннаграммой и другими девочками. Не стоило и пытаться завязать беседу с кем-то из деревенских, особенно с мальчишками. Они сразу тушевались, прятали глаза и шаркали ногами, точь-в-точь как жители холмов, когда им приходилось обращаться к барону.

Да и Роланд тушевался не меньше, он прямо заливался краской, когда ловил взгляд Тиффани. Всякий раз, когда она навещала его в замке или они вместе гуляли по холмам, воздух между ними искрился от многозначительных пауз... Со всем как с Зимовеем.

Тиффани внимательно прочитала письмо, стараясь не отвлекаться на неряшливые пятна, оставшиеся от лап Фиглей. Роланд даже вложил в конверт несколько чистых листов, за что она была ему очень благодарна.

Она разгладила один из этих листов на столе и задумчиво уставилась в стену. Потом стала писать.

Внизу, в кладовой¹⁴, из-за старого помойного ведра осто-

¹⁴ Кладовая – помещение, где хранятся старые или просто ненужные в насто-

рожно выкатился Гораций. Прямо перед ним была задняя дверь дома. Если сыр может выглядеть задумчивым, то именно так он и выглядел.

А тем временем в деревне Дверубахи возница почтового дилижанса не знал, что ему делать. Жители окрестных деревень и ферм часто оставляли свои письма в местной сувенирной лавке, служившей по совместительству почтовым отделением, чтобы он отвёз их дальше.

Обычно возница просто забирал в лавке мешок с корреспонденцией, но сегодня у него возникли непредвиденные осложнения. Он отчаянно листал «Устав Работников Почтамта» в поисках выхода.

Мисс Тик легонько притопывала ногой. Это нервировало возницу.

– Вот-вот-вот! – воскликнул он, обнаружив наконец подходящее правило. – Тут сказано: «Запрещено доставлять каких бы то ни было животных, птиц, драконов или рыбу!»

– И к какой из этих категорий ты относишь меня? – ледяным тоном поинтересовалась мисс Тик.

– Э-э, ну, человек, он же вроде как тоже животное, разве нет? В смысле, взгляни хоть на обезьяну...

– У меня нет ни малейшего желания смотреть на обе-

ящее время вещи. Что бы там ни утверждали слухи, госпожа Вероломна не использовала кладовую для кладов. Хотя было бы забавно, если бы они там обнаружились. (Примеч. автора)

зьян, – отрезала мисс Тик. – Я видела, что они вытворяют.

Сообразив, что зашёл в тупик, возница снова принялся рыться в своде правил. Обнаружив новый путь к спасению, он широко улыбнулся:

– Вот-вот-вот! Сколько ты вешишь, госпожа?

– Две унции, – ответила мисс Тик. – И так уж вышло, что мой вес как раз равен наибольшему весу письма, которое можно отправить в Ланкр и Окрестные Земли за десять центов. – Она указала на свой лацкан, куда были приклеены две марки. – Доставку я уже оплатила.

– Но ты не можешь весить две унции! – воскликнул возница. – В тебе никак не меньше ста двадцати фунтов!

Мисс Тик вздохнула. Она не хотела прибегать к последнему средству, но Дверубахи – это всё-таки не Кривопёс. Эта деревушка стоит на обочине большой дороги и успела повидать мир, хоть мельком. Мисс Тик подняла руку и потянула за неприметную верёвочку на шляпе.

– Ну что, хочешь, я забуду, что ты только что сказал?

– С чего бы? – не понял возница.

Мисс Тик без выражения уставилась на него, потом закатила глаза:

– Прошу прощения. Такое иногда случается. Это всё утренние заплывы, знаешь ли. Пружина ржавеет.

Она хлопнула по тулье сбоку, и над её макушкой рывками воздвигся конус. Бумажные цветы с полей посыпались во все стороны.

Возница проследил взглядом рост шляпы.

– О, – только и сказал он.

Остроконечная шляпа означает, что тот, кого вы видите под ней, либо волшебник, либо ведьма. Ну, или сорвиголо-ва, которому такая шляпа вообще-то не положена и который продержится ровно до тех пор, пока ему не встретится полноправный обладатель или обладательница шляпы. Ведьмы и волшебники не любят самозванцев. А ещё они не любят ждать.

– Ну и сколько же я вешу теперь, любезный? – поинтересовалась мисс Тик.

– Две унции, – поспешно отрапортовал возница.

Ведьма улыбнулась:

– Да, и ни скрупулом больше. Как известно, скрупул – это единица веса, равная одной двадцать четвертой части унции или же двадцати грамам. Так что можно сказать, что я... нескрупулёзная!

Она подождала, пока смысл этой истинно учительской шутки дойдёт до собеседника, не дождалась, но расстраиваться не стала. Мисс Тик нравилось быть умнее всех.

Она села в дилижанс.

Пока они ехали в горы, пошёл снег. Мисс Тик знала, что среди снежинок не встретишь двух одинаковых, и не стала к ним приглядываться. А вот если бы пригляделась, то почувствовала бы себя не такой уж и умной.

Тиффани спала. В камине её спальни теплился огонь.

Внизу стучал станок госпожи Вероломны, ткал дорожку сквозь ночь.

Маленькие синие человечки крадучись подобрались по полу к маленькому столику, который Тиффани использовала для письма, вскарабкались друг другу на плечи, и вот уже верхний Фигль в пирамиде оказался на высоте столешницы.

Тиффани перевернулась на другой бок и тихонько фыркнула во сне. Фигли замерли, и спустя мгновение дверь спальни неслышно закрылась за ними.

Едва различимая взглядом сине-рыжая комета, взметнув пыль, пронеслась вниз по лестнице, прошмыгнула в кладовку и через странную дыру в форме сырной головы, проделанную внизу задней двери, вылетела наружу. Её дальнейший путь можно было проследить по потревоженной палой листве до маленького костерка в глубине леса. Свет от огня играл на лицах многочисленной орды пикстов, хотя если бы он мог выбирать, то предпочёл бы поиграть в другом месте.

Комета остановилась и распалась на шестерых Фиглей, двое из которых тащили дневник.

Добычу бережно положили на землю.

– Уфф, еле копытсы унесли с этого дому, – перевёл дух Громазд Йан. – Зырили те черепушки верзунские? Этой карге путью лучше не перебегать!

– Ах, опять она замочину навесила, – заметил Явор Заядло, пустившись в обход дневника.

– Явор, а мож, всё ж таки не надо его читать? Нехорошо

оно, – вмешался Билли Мордаст. – Это ж лишнее!

– Она – наша карга. Её лишнее – наше лишнее, – отмахнулся Явор Заядло, запустив руку по локоть внутрь замка. – И ваще, она ж хочет, чтоб хтой-то это прочитил, а то чего б она шкрябила? Нет толку шкрябить, ежели читить некому. Только карандахи зря тратить.

– Мож, она сама его и читает, – неуверенно предположил Билли.

– Нды? И на кой оно ей? – презрительно фыркнул Явор. – Она всё там и так бум-бум, сама ж нашкрябила. Да и Джинни велела прознать, что наша карга про баронского парю себе кумексает.

Раздался щелчок, и замок открылся. Вся фиглёвская братия приготовилась почтительно наблюдать.

Явор Заядло полистал шуршащие страницы и широко улыбнулся:

– Ах, она тута шкрябит: «Фигли опять объявились. Как мне их не хватало!»

– Видать, она по нам очень соскучилась, – сказал Билли Мордаст. – Дай-ка позырить, пжалста...

«Фигли опять объявились. Только их мне не хватало!» – прочёл гоннагл.

– А-а, – протянул Билли.

Он был родом из клана Долгого озера и пришёл в клан Мелового холма вместе с Джинни. Фигли Долгого озера, в отличие от клана Холма, были на «ты» с грамотой, а Билли,

как гоннаглу, пришлось особенно хорошо овладеть чтением и письмом.

Фигли же Мелового холма были больше на «ты» с выпивкой, грабежом и мордобоем, и Явор Заядло славился владением всеми тремя этими искусстваами, но ему пришлось научиться читать и писать, потому что этого хотела Джинни. Билли давно заметил, что в обращении с буквами Большому Человеку клана свойственна не столько точность, сколько надежда на лучшее. Напоровшись на предложение подлиннее, Явор Заядло норовил разобрать несколько слов, а потом с наскоку домыслить остальное.

– Искуштво читания ведь в том, чтобы скумексать, что слова *хотят* тебе сказануть, верно? – сказал Явор.

– Мож, оно и так, – вмешался Громазд Йан. – Токо есть ли среди тех словей что-нить разлюбезное про того мешковастого верзунчика из замка?

– Экий ты романтишный, – усмехнулся Явор Заядло. – Нае, нету тута такого. Они таперь свои письма мал-мал шифрить стали. Экая-какая помеха читанию: буковы и так-то разбечься норовят, а тут их ещё перемешкали почёмздря.

– Ах, эт' для нас всех добром не обернётся, ежли мал-мал громазда карга мечтовывает о парях заместо того, чтоб карговству учиться, – сказал Громазд Йан.

– Ах-ха, но, мож, паря-то в мужи идти не захотит, – сказал Чуть-не-в-уме Ангус.

– Когда-нить, мож, и захотит, – возразил Билли Мордаст.

Его хобби было наблюдение за людьми. – Почти все верзунские мушщины в мужи идут.

– Взаправду? – не поверил Фигль.

– Ах-ха.

– Что, по доброй воле?

– Ах-ха, многие хотят жениться, – сказал Билли.

– Чтоб прощевай тыркс, пойло жракс и морда дракс?

– Эй, я ж по-прежнему тыркс, пойло жракс и морда дракс! – крикнул Явор.

– Ах-ха, Явор, токо мы видели, как опосля тебе почёмздра Объясняться приходится, – возразил Туп Вулли.

Фигли дружно закивали. Искусство Объясняться они считали чем-то вроде чёрной магии. Уж слишком сложно бывает Объяснить...

– Ну, вот мы возвращаемся с тырксов, жраксов и драксов, а Джинни на тебя эдак зыркс – и губы поджамкивает, – продолжал Вулли.

Остальные Фигли в ужасе взвыли:

– О-о-о-о, токо не поджамканье губей, токо не оно!

– А потом ишшо и руксы на груди скрещает, – не унимался Вулли, увлечённо дрожа со страху от собственных слов.

– О-о-о-о-о, ой-ёй-ёй, руксы на груди! – Фигли принялись рвать на себе волосы.

– И я уж не грю, как она носком ноги притопсывает...

– А-аргх! Нет! Притопсы! – Некоторые стали биться головой о деревья.

– Так-то оно так, – вмешался Явор Заядло, – но вы ни бум-бум, что у нас, мужьёв, на всё это свои таинства имеются.

Фигли озадаченно переглянулись. В наступившей тишине раздался треск – это повалилось на землю небольшое деревце.

– Мы про такенное в жисть не слышали, – выразил общее недоумение Громазд Йан.

– Ишшо б вы слышали! Кто б вам сказанул-то? Вы неженатиксы! Вы ни бум-бум, как оно всё по-е-тиш-но у-рав-но-ве-шен-но. Ну-кось, ступайте сюдыть, я вам на уши шепну.

Тщательно оглядевшись по сторонам – не слышит ли его кто-нибудь, кроме пятисот Фиглей, – Явор Заядло продолжал:

– Ну дыкс от... Попервой ты тыркс, пойло жракс и морда дракс, ах-ха? А опосля возвертаешься, знатца, в курганс, и там тебя ждут притопсы...

– О-о-о-о-о!

– И руксы на груди...

– А-а-а-аргх!

– И, ясно дело, поджамканье губей. И от тогдыть... А ну кыкс, позатыкните свои вопиллы, чучудры нервические, пока я ваши балды одну об другу не наступчал!

Все Фигли утихли, но один продолжал рыдать:

– О-ой-ёи-ёи-ёи! О-хо-хо-хо! Поджамканье гу... – Он наконец умолк и смущённо огляделся.

– Туп Вулли, – произнёс Явор с ледяным спокойствием и

безграничным терпением.

– Ась, Явор?

– Помнишь, я грил тебе, чтоб ты вдругорядь меня слухал?

– Ась, Явор?

– Дыкс эт' был тот-сам рядь.

Туп Вулли виновато понурился:

– Звиняй, Явор.

– Ну лады. Тыкс, о чем я грил? А, знатца, губы жамк, руки вскресть, ноги топс... И от тогдыть...

– Тогдыть пора Объясняться! – подхватил Туп Вулли.

– Верно! – резко оборвал его Явор Заядло. – А хто-нить из вас, угрязков, готовски в таку себе минуту выдавать Объяснения?

Он пристально оглядел своих воинов. Воины в ужасе пятились.

– Когда кельда жамкает, крещит и притопсывает, – замогильным голосом продолжал Большой Человек, – когда её ясны глаза грят: «Ну-ну, позырим, как ты таперь Объяснишься...» Ну кыкс? Готовски вы?

Но Фигли рыдали и в ужасе жевали свои килты.

– Нае, Явор, – пролепетали они.

– Ах-ха! – воскликнул Явор Заядло. – Вы не готовски! Эт' потому, что вы ни бум-бум в мужненстве!

– Я слыхал, как Джинни грила, что таких Объяснений, как ты, ни один Фигль не понавядумает! – с восхищением проговорил Туп Вулли.

– Ах-ха, очень может быть, что оно так и есть. – Явор Заядло гордо выпятил грудь. – У нас, у Фиглей, вековые традиции громаздущих Объясненьев имеются.

– Джинни грит, твои Объяснения бывают такие длиннющие и загогулистые, что к концу она уж и не упомнит, с чего они начинались, – добавил Туп Вулли.

– Ну, эт' у меня к ним просто природный дар, неча тут хвастить, – скромно отмахнулся Большой Человек.

– Но верзуны-то навряд ли с Объяснениями управляют, – вмешался Громазд Йан. – Они ж тупитлы.

– И всё-таки они женятся, – сказал Билли Мордаст.

– Ах-ха, и тот паря в замке уж больно на нашу малую громазду каргу пырится, – гнул своё Громазд Йан. – А папка-то его уже дряхлявый и квёлый, того гляди копытсы склеит. И тогда мальцу достанутся такие бумазейки, где сказано, что холмья таперь его.

– Джинни боится, что, если у него будут эти бумажки, что холмы теперь его, – подхватил Билли, – он решит, что они ему принадлежат. А мы все знаем, чем это мож кончиться, верно?

– Ах-ха, – сказал Громазд Йан. – Вспашкой.

Один звук этого слова пугал пикстов. Старый барон как-то раз задумал распахать несколько участков земли, которые поровнее. Зерно, рассуждал он, нынче в цене, а на овцах сильно не разбогатеешь. Но тогда ещё была жива матушка Болен, и она передумала за него.

Однако некоторые пастбища в окрестностях холмов уже распахали. За зерно и правда можно было выручить хорошие деньги. И Фигли не сомневались, что и Роланд захочет пустить плуг на холмы. В конце концов, его ведь воспитали мерзкие самовлюблённые и коварные тётки.

– Не верю я ему, – сказал Чуть-не-в-уме Ангус. – Он книги читит и всяко-такo. О земле не морочится.

– Ах-ха, – кивнул Туп Вулли. – Но ежели он обженится на мал-мал громаздой карге, он о вспашке и помыслить струснёт, потому что тогда она ему устроит руки жамк...

– Эт' губы она жамк! – резко поправил его Явор Заяadlo. Фигли в испуге огляделись по сторонам.

– О-о-о-о-о, токо не губы жа...

– А ну цыть! – рявкнул Явор Заяadlo. – Стыд-позор на вас! Эт' мала громазда карга должна решать, кому на ней обжениться. Верно я грю, гоннагл?

– Ммм? – неопределённо промычал Билли, глядя куда-то вверх, и поймал ещё одну снежинку на палец.

– Я грю, эт' мала громазда карга должна решать, кому на ней обжениться, так? – повторил Явор Заяadlo.

Билли во все глаза разглядывал снежинку.

– Билли? – окликнул Явор.

– Ась? – спохватился гоннагл, словно очнувшись. – Ах, да... Думаешь, она хочет, чтобы Зимовой на ней обженился?

– Зимовой? – удивился Явор Заяadlo. – Нае, он ни на ком обжениться не могёт, он же ж дух бесплотский. Не светит

ему.

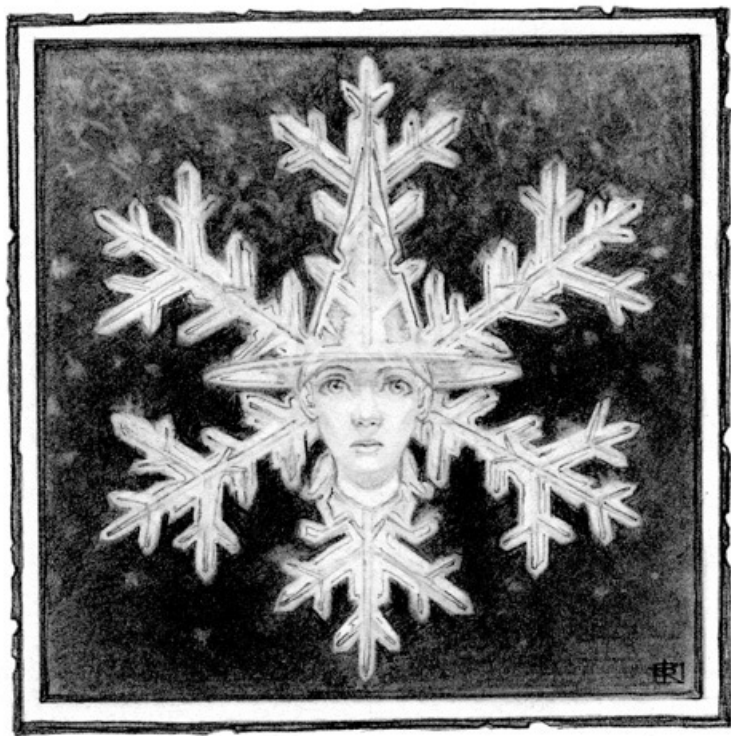
– Она с ним плясовала. Мы видали её. – Билли снова поймал снежинку и пригляделся к ней.

– Да мало ли чего девчура, увлѣкшись, напляшет! И ваще, с чего ты взял, что она об Зимовее морочится?

– У меня есть основания считать, – с расстановкой проговорил гоннагл, глядя, как падают снежинки, – что Зимовой немало морочится о нашей карге.

Глава 4. Снежинки

Говорят, среди снежинок нет и двух одинаковых, – но когда кто-нибудь пытался проверить это на практике?

Снег мягко падал в ночи. Белой шубой ложился на крыши

домов, нежно укутывал деревья, с мягким шипением устилал землю в лесу. От него исходил резкий жестяной запах.

Матушка Ветровоск всегда выходила проверить снег. Встав на пороге в лужице света, льющегося из дома, она выставляла за дверь лопату обратной стороной кверху и поймала несколько снежинок.

Маленькая белая кошечка внимательно смотрела, как падают снежинки. Смотрела – и только. Она не пыталась поймать их или поиграть с ними. Просто выбирала снежинку и следила, как та, кружась, падает на землю. Потом некоторое время смотрела на упавшую снежинку и, убедившись, что представление окончено, выбирала вверху новую.

Кошечку звали Эй, потому что обращались к ней: «Эй! Прекрати!» или: «Эй! Брысь отсюда!». Матушка Ветровоск недолго раздумывала над именем.

Матушка внимательно изучила снежинки и улыбнулась на свой лад, не то чтобы очень добродушно.

– Эй, домой! – окликнула она кошку и закрыла дверь.

Мисс Тик пыталась отогреться у огня. Очаг горел не слишком жарко, он давал ровно столько тепла, сколько необходимо. Но из маленького котелка на углях пахло гороховой кашей с грудинкой, а рядом стоял ещё один котелок, побольше, и из него разливался аромат курятины. Мисс Тик нечасто доводилось отведать курятины, и надежда согревала ей сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.